

Российская Академия Наук

Отделение историко-филологических наук

С.П. Карпов

**РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОНИМАНИИ
ИСТОРИИ И ПРОБЛЕМАХ
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Москва
2019

УДК 930.1
ББК 63.3
К26

Размышления о понимании истории и проблемах исторического образования / С.П. Карпов. – М.: РАН. 2019. – 48 с.

ISBN 978-5-907036-66-6

Речь пойдет не о философии, не о методологии, а именно о некоторых аспектах понимания истории. Понимания, чуждого наукообразию, историографической игре в бисер и абстрактному теоретизированию с нагромождением вычурных слов. Не ради истины, а ради оригинальничания, ныне столь ценимого и хорошо субсидируемого. Говоря о сложных вещах, я хотел бы отметить, что глубина нередко подменяется сложностью. Я не сторонник терминологических и иных усложнений с запутанным, не ясным смыслом, обремененным к тому же иноязычными определениями. Вопрос лишь об адекватной и полезной обществу интерпретации.

Мне представляется, что именно прикладное значение истории сейчас особенно общественно значимо. Важно оно и для утверждения позиций самой исторической науки.

Будучи специалистом по западноевропейскому и византийскому средневековью, я не собирался специально заниматься проблемами исторической теории как таковой. Лишь состояние растерянности, встречаемое подчас у моих коллег при смене идеологических детерминант и парадигм, рассуждения о кризисе исторической науки как таковой, постоянные и настойчивые требования к историкам дать оценки актуальным для общества событиям и явлениям побуждают к размышлениям о самом понимании истории, ее возможностей, о ее роли.

В нашей науке укореняется мысль, что на рубеже XX–XXI веков происходит «историографическая революция», когда предшествующие ей традиционная «объективистская» историография и последующая за ней постмодернистская, субъективистская историография заменяются новой интегралистской, междисциплинарной наукой, рождающейся в обстановке упомянутого кризиса исторической мысли¹.

Но давайте сначала поразмыслим о кризисе. Во-первых, сам по себе кризис не обязательно означает регресс, нечто подразумевающее негативную коннотацию. Напротив, он может быть переломным моментом в переходе к новому качеству. Но в любом случае он подразумевает коренное изменение, слом. А есть ли это в нашей науке? Уже давно Э. Трёльч определил кризис так: «Если мы сегодня постоянно слышим о кризисе исторической науки, то речь идет не столько об историческом исследовании ученых-специалистов, сколько о кризисе исторического мышления людей вообще. То и другое издавна расходятся. В этом не может быть ни кризиса, ни изменения до тех пор пока в истории вообще придают значение истине, научной строгости, близкой, насколько это возможно, к естественным наукам точности...»². Я вполне разделяю эту позицию. Дело в другом.

¹ См. об этом подробнее, напр. в кн: Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX и XXI вв. М., 2011., ос. С. 558–559.

² Трёльч Э. Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории. М., 1994. С. 10.

История и общество

В эпоху глубоких политических и социальных перемен всегда возрастала роль гуманитарных наук и, особенно, истории. Общество инстинктивно ищет духовных ориентиров и, не находя их в окружающем мире, свой лучший духовный опыт концентрирует в немногих интеллектуалах. Возникает необходимость более высоких точек отсчета. Так было и в далекой палеологовской Византии, и в оккупированной нацистами Франции, когда творил Марк Блок, и много позднее.... Но, нуждаясь в историках, общество недооценивало и не признавало лучших из них, до следующих поколений. Замедленная востребованность есть одна из закономерностей. При кризисах ослаблялся «нормативный» идеологический диктат государства, раскрепощался ум, разворачивалась полемическая борьба умов, в которую все шире вовлекались публицисты и дилетанты. Но затем неминуемо проявлялась и другая сторона – желание победивших элит «выстроить» в кратчайшие сроки нужный им политический алгоритм истории.

При всей шелухе дискуссий есть две расходящиеся линии: сторонников позитивной патриотической, сплывающей нацию истории, формирующей самосознание и самого индивида и поборников отстраненно объективистского, часто гиперкритического осмысления истории, в крайнем случае переходящего в осмеяние и уничижение прошлого. Трудно совместить две этих линии. Еще и потому, что оценка социального опыта индивидуальна и специфична, изменчива и капризна, отличается у разных поколений. Выход – в глубине ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО подхода – это истинный ключ и проверка и достоверности, и профессионализма. Помимо этого столь же важен историографический анализ, вообще весь тот инструментарий, который необходим в лаборатории историка. В нашей лаборатории, как и в лаборатории медика или естествоиспытателя, есть свои тонкие и важнейшие инструменты. Пренебрежение ими ведет к верхоглядству

Через всю историю человечества, как кажется, проходит борьба двух начал: государственного и индивидуалистического. Причем, если государственное предстает в более или менее похожем облике, то индивидуалистическое выступает по-разному: то как частный интерес патриция, то как феодальный сепаратизм, то как еретический протест и нонконформизм, то как анархистские устремления, диссидентство и прочее.

Деструктивность индивидуалистического не всегда видна, ибо прикрывается заботой об общественном благе или о правах личности. Насилие же государства (без которого оно не способно существовать и самореализовываться) очевидно.

Поиски сочетания государственного и частного – вечная проблема и философии и общественной мысли вообще. Классический пример – итальянский гражданский гуманизм или даже изломанная этика Ф. Гвиччардини.

Здесь таится диалектическое противоречие самой жизни, весы контрверз либерализма и консерватизма, коллективного и индивидуального (частно-собственнического).

Историк зависим от морального климата общества. Общество не может существовать без идеала, без социального ориентира. Если их нет, оно угнетается, и такая ситуация чревата дестабилизацией, взрывом. Историк – один из создателей этого ориентира. Потому профессиональное вырождение историка – страшная опасность для общества. Это утрата и барометра, и компаса одновременно. Используемая упрощенная схема с ее «чего изволиванием и амбивалентностью методик» не заменит прогностического анализа процессов большой длительности.

Объективность истории

Как-то один из моих друзей, начитанный и умный математик, задал простой вопрос: а можно ли вообще создать объективную, демифологизированную историю?

Верификация

И ответ на этот вопрос – математический. И мне уже приходилось говорить об этом. Вопрос в степени этой объективности и о том, как её можно достичь. Адекватную формализацию процесса аккумуляции научного знания дает т.н. логистическая функция, широко используемая в моделях динамики развития различных социальных систем, важные параметры которых имеют предельное значение своей эволюции.

Логистическая функция – решение простого нелинейного дифференциального уравнения первого порядка: $dP/dt = P(t)(1 - P(t))$. Рис. 1 дает наглядное представление об этой функции.

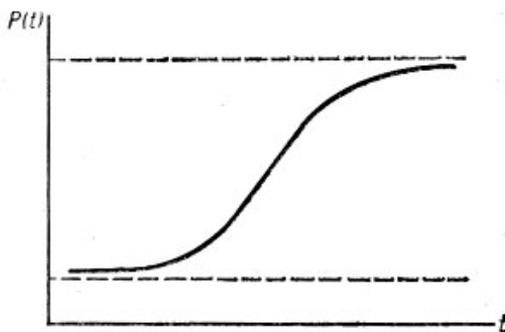

Рис. 1. Логистическая кривая

Интерпретация этой зависимости в нашем случае такова.

Аккумуляция исторического знания начинается с определенного минимального уровня и медленно растет, затем начинается процесс быстрого накопления знаний. Однако постепенно этот рост замедляется – по мере приближения к верхней пунктирной линии, означающей теоретически достижимый, полный объем знаний. Этот процесс носит асимптотический характер, т.е. логистическая функция стремится к нему, приближаясь сколь угодно близко, но никогда его не достигая.

Наше стремление к максимально возможному приближению к реалиям прошлого ограничено невозможностью полного познания и неминуемой неполнотой источников. Мы никогда не будем обладать всей информацией, которая была исторической данностью. А. Тойнби был совершенно прав, когда написал: ««Ни одно собрание фактов никогда не является полным, потому что Вселенная разомкнута. Равным образом ни одно обобщение не является окончательным, потому что со временем обнаружатся новые факты, которые приведут к взрыву уже упорядоченной научной схемы. Этот ритм носит всеобщий характер»³. Но это совсем не отрицает имманентно присущее человечеству стремление познать Истину, возможность максимально приблизиться к Абсолюту. При этом, конечно, следует учитывать и сложный философский аспект – существование разных концепций истины, существующих как в гуманитарном, так и в естественнонаучном знании. Грань познаваемого и непознаваемого, четко прочерченная в богословии, существует и в исторической науке.

И когда мы говорим об объективности и познаваемости, мы должны различать две вещи – историю как процесс, который объективно реализовался, и историю как познание, которая отчасти субъективна. И сочетание этих вещей и выдает тот результат, который мы имеем. Это может быть определено как верификация истории, выявление того ядра, которое может быть проверяемо. Это подобно работе реставратора, тонким слоем плинфы отделывающего достоверно сохранившееся от реконструируемого. Уровень верификации может быть разным, и его нужно специально обозначать⁴.

Верификация имеет своим основанием обширные, достоверные и доступные базы данных. Проблема Big data, далеко не только достояние естественных наук. И тем не менее, постижение истории это не просто технически выверенный субстрат. Важно не заменить инструментом исследования его сущность, не принять срез за всю глубину пласта. В этом опасность. Нельзя заменить понимание и проникновение в эпоху, ее ощущение «на кончиках пальцев» моделированием и реконструкциями. Проблема взаимодействия наук сложна, и в ней, помимо количественного анализа не менее важен логический, экспертный анализ факта.

³ Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 41.

⁴ См.: Может ли история быть объективной? Материалы международной научной конференции. М., МГУ, 2012. С. 11–13.

Междисциплинарность

История ныне стала мультидисциплинарной, и междисциплинарность является основной тенденцией. Но есть опасность растворить сам наш предмет в этой мультидисциплинарности. Мне кажется, что мы должны эту опасность увидеть и избежать. И здесь примером может быть античность. Вспомним Гекатея из Милета, Фукидида, Полибия и особенно Лукиана, которые подчеркивали уже тогда отличие истории от других жанров (риторики, мифов и пр.) Тем более сейчас надо понимать, где границы истории, где и какие другие науки входят в нее, а где и какие ей чужеродны. Социальные науки, несомненно, оказали некоторое положительное влияние на методологию исторической науки во второй половине XX века. Но это влияние неоднозначно, особенно при механическом перенесении их методик в арсенал историка. К примеру, упрощением и искажениями чревато применение в истории социологических категорий, неадекватных времени. Когда мы говорим об истории Древнего мира, Средневековья в терминах, которые не могут описать эпоху, привнесены реалиями позднейшего времени, адаптированными к нему, а не к изучаемому периоду, мы допускаем ошибку. Модернизация истории прошлого чрезвычайно опасна и обманчива. Также, как и следование конструктивистским моделям, отрицающим саму возможность познания реальностей прошлого, отождествляющих историю и художественную литературу.

Мы понимаем, что стирая следы человеческих деяний, время безжалостно разбивает и отражавшее их зеркало, умело или не очень создаваемое современниками событий. И труд историка заключается в том, чтобы из многих сохранившихся осколков этого зеркала составить образ, наиболее точно отражающий прошлое. Но здесь мы сталкиваемся с морем проблем: ведь нам не только предстоит найти те осколки, которые только и принадлежат изучаемому времени и соотнести их с эпохой, но и правильно понять их внутреннюю связь, взаимное расположение. Я употребил метафору зеркала еще и потому, что оно – деяние рук человеческих. Иногда умелых, но часто – не очень, иногда стремившихся найти истину, но чаще – скрыть или представить в выгодном для себя (или заказчиков) свете. Поэтому нередко оно – кривое. И не допускаем ли мы насилия над материалом, когда хотим его выпрямить по изначально несуществующим образцам?

Мы должны признать, что по теням воссоздаем фигуры, а по эскизам и случайно оставленным фрагментам рисуем картины. Но несмотря на все утверждения зоилов историографии, труд *sine ire et studio* возможен. Я верю в возможности деидеологизированной истории. Давайте подумаем, какое место занимает идеология даже в идеологически мотивированном хорошем конкретном исследовании? Возьмем, к примеру, классический труд Е.А. Косминского, удостоенный в 1948 г. Сталинской премии⁵. В нем, кста-

⁵ Косминский Е.А. Исследования по аграрной истории Англии XIII века. М. – Л., 1947.

ти, ни одной цитаты Сталина, пара ссылок на работы Ленина и несколько, вполне относящихся к делу цитат Маркса и Энгельса. При вполне марксистской методологии исследования, перед нами добытый тяжелым трудом историка добротный и неустаревающий в силу фундированности материал, значимый при любом подходе к изучению темы. Или другой, еще более яркий пример «живучести и достоверности». Изданный еще в 1877–79 гг. и переведенный в 1885–86 гг. на французский язык, а в 1915 – частично на русский двухтомный труд штутгартского библиотекаря В. Гейда «История левантской торговли в Средние века» и донныне цитируется и используется исследователями как лучшее, наиболее полное и достоверное пособие по теме⁶. И это – спустя почти полтора столетия с момента написания!

Объективности познания не противоречит то, что каждое поколение людей создает свою историю, используя собственный социальный и жизненный опыт. Эта история может «накапливать» объективность, приближаться к реалиям прошлого, если опирается на опыт и достижения прежних поколений и научных школ и использует новые прогрессивные методики исследования.

Дидактическая роль

У истории есть своя дидактическая роль. Известный израильский историк М. Тох, рассуждая на одной из конференций, учимся ли мы у истории, ответил, что если бы учились, история выглядела бы иначе. На самом деле, мы скорее и лучше учимся ПЛОХОМУ. В том числе, оправдывая возможности принятия очевидно негативных решений при их безнаказанности в обозримой перспективе. Повторяемость не в счет. *История не дает уроков, она дает объяснения.* И учиться у нее может лишь тот, кто способен их понимать. Здесь большой вопрос о мнимой безнаказанности историка плохо понявшего или ложно интерпретирующего события.

Примечательно, что при отсутствии глубокой внутренней культуры растет подражательность культурам другим и других, нередко в карикатурном виде. Отчасти и поэтому столь важны этика и моральные ориентиры пишущего историка при уважительном отношении к иным теориям и подходам, даже тогда, когда мы их критикуем и отвергаем. Я ни с кем не борюсь и никого не опровергаю. Не снимаю никаких статуй с их пьедесталов. Все статуи – памятники своего времени. Так пусть величие будет в своей красе, а убожество – в своей поучительной наглядности. Воспринимая разные теории и уважая любой взгляд, существенно понимать, что даже в заблуждении

⁶ Heyd W. Geschichte des Levantehandels im Mittelalter. Cotta 1877–1879. Bd.1-2; idem. Histoire du commerce du Levant au moyen âge. Leipzig, 1885–86. Т. 1–2; Извлечение из сочинения Вильгельма Гейда: "История торговли Востока в средние века" / перевод Л.П. Колли // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. 1915. №.52. С. 68–185.

есть отраженное зерно истины и поучительный ход мысли. Терпимость в науке и культура дискуссии – это то, чего нам не хватает. Под солнцем есть место для многих, пожалуй, кроме халтурщиков и делег. Но требовательность к себе – главное для историка.

Школы и направления

Всю палитру современной историографии охватить невозможно, да и оценивать ее надо осторожно, ибо в ней по сути есть все – от ультра-марксизма до фактического отказа от дефиниций и любой философской «начинки». Вот и «глобальная история», еще и не состоявшаяся, уже была объявлена на Западе устаревшей в угоду постмодернизму и субъективной истории. Сейчас происходит ее некоторое обновление и замещение новыми макроисторическими моделями. Очевидно, что в подходах тех, кто субсидирует науку, и в потребителях ее результатов взята в немалой мере ориентация на парадоксальность интерпретации, оригинальность и занимательность любой ценой. Это – залог читаемости и популярности, а, следовательно – результат диктатуры рынка и массового сознания. Разумеется, вся наука к этому не сводится. Осуществляются многие серьезные конкретные и глубоко зондажные работы при целевом финансировании. Продуманная система грантов создает довольно мощную поддержку конкретным исследованиям. И они с успехом осуществляются. Но они востребованы преимущественно в узком кругу специалистов. Достоянием же массового сознания, даже корпоративного, в исторических кругах ВСЕХ историков, становятся «броские» и парадоксальные построения, чаще всего жидущиеся на опровержении или существенных коррективах достижений предшественников. Проявляется сочетание разработки высокой, образцовой локальной конкретики с весьма смелыми (и далеко не всегда адекватными) интерпретациями и уходом от сложной истории, оперирующей имманентными категориями описываемой эпохи. Это упрощенно-сенсационная история. Новаторство ради новаторства, не ради истины. На практике стремление к раннему (и не только раннему) самоутверждению, увы, подчас становящемуся самоцелью, снижает требовательность. Начинается оригинальничание, боязнь быть немодным, *demodé*, сравнение несравнимого, погоня за новизной и парадоксом в ущерб тщательности и достоверной глубине. К сожалению, стремление к показушности вообще стало меткой нашего (а, вероятно, и не только нашего) времени. Но наша читающая публика все больше ждет от историка другого: добротного изложения хода исторических процессов, неторопливого рассказа о событиях, что не заменимо для широкого культурного читателя никаким самым лучшим и смелым решением теоретических проблем. Это не противопоставление. Это сопоставление и сочленение. Две ветви одного ствола, питающего древо истории.

Надо признать, что настоящая «низовая», создающая фундамент наука скучна и занудна. Она предельно трудоемка и минимально зрелищна. Но она главная основа, и именно на нее необходимо направлять большую часть ресурсной поддержки, если мы стремимся к достоверности. Следующая ступень – ступень обобщений – невозможна без нее. Она требует, разумеется, не меньших интеллектуальных усилий, но для нее нужно меньше ресурсов. Она проблематичней и амбивалентней. У нас ресурсная поддержка направлена на развитие второй ступени. В итоге происходит замена коллективных исследований коллективными обобщениями. Между тем, формированию научных школ способствует долговременное финансирование именно первого, поискового этапа, этапа обработки и анализа источников, создания баз данных.

И еще раз об отношении к историческим теориям. Теория никогда и нигде не была тождественна реалиям жизни. Измерять ход истории или сущность политической и государственной системы постулатами принятой и всеми тогда признаваемой политической теории – все равно, что описывать характер и существо человека по носимому им платью. В этой параллели есть своя тонкость: человек иногда надевает то, что ему к лицу и выражает его представления о себе. Но он не может в силу принятых порядков, моды и этикета делать это всегда. Он приспособливает к себе необходимое, но чаще всего не может превзойти эту необходимость. Современная тяга к «раскрепощению» и гротескному самовыражению, пожалуй, крайне редко была допускаема в прошлом. Нормы поведения отсекали экстремальную саморепрезентацию. Теория нормирует, но не регулирует все проявления социального поведения, не предусматривает всего их разнообразия. По ней можно судить об умозрительном идеале, но нельзя воссоздавать формы его воплощения (или отклонений от него). Ныне в подходах к исторической теории чаще речь идет не о теории исторического процесса, а о теоретических основах исторического познания (собственно, об исторической эпистемологии), что важно учитывать.

Как медиевист я бы сопоставил множественность теорий возникновения средневекового города со множествами исторических интерпретаций. В каждой из теорий генезиса городов (марковой, вотчинной, бурговой, романтической и т.д.) была своя правда. Но ни одна из них не покрывала всего своеобразия процесса. Так и ныне гендер, интеллектуальная история, частная жизнь, новая биографическая история и все прочее – это фрагментация единого целого исторического процесса. В постмодернизме в конечном счете главное – это противопоставление исторической реалии и исторической реконструкции при признании множественности познавательных парадигм. Общество постепенно свыкается с мыслью о том, что от историков не стоит ждать внятных объяснений исторических событий и процессов, взамен будет предложен веер различных трактовок, не претендующих на приближение к истине. Предпочтение будет сделано «историкам-писателям», предла-

гающим простую «единственно верную» (и скорее всего, ангажированную и дилетантскую) версию. Это сознательный и последовательный уход от монизма. Но это не дает искомым обществом объяснений. Ныне пропагандируется и так называемая «публичная история» с призывом: «Давайте писать историю вместе!». А это все равно, что призыв каменотесу делать сложную медицинскую операцию трепанации черепа. В стремлении к совместному написанию истории «всем миром», оправдано лишь собирание индивидуального материала, опыта, традиций, прошлого семей и иных социумов, но не более того. Все это, накопленное, еще предстоит поставить в контекст исторического развития. Словом, поиски обобщающих теорий, каковой был марксизм, продолжают, но как далеки поиски от находок...

Немного о тупиках в наших поисках. Один из таковых в «новой исторической науке» – концепт «человек в обществе». Он противостоит индивидуализму микроистории, столь оберегаемого ею же, равно как и броделевскому макроисторическому подходу тоже. В нашем случае слишком большое внимание уделялось так называемому человеческому фактору, очеловечиванию истории. Человеческий фактор прикрыл рождение монстров индивидуализма и своекорыстия. Очеловечивание изгнало историю теорий и процессов, экономическую, отчасти социальную историю, но не стало живой историей. А нужна она. Главное – аромат эпохи и анализ ее её же параметрами на высоком современном техническом уровне. Декларируемый адептами показ истории через человека – химера, ибо абстрактного человека не существует, нет двух одинаковых интеллектов. Историк равно интересен и интеллект гения, и социально мотивированная психология массы. Но для понимания процессов развития бесполезно наукоподобие конструируемых «методологами» определений. Это подобно параду творцов и творений «голых королей».

И все же самая большая опасность для нашей науки осознанная, намеренная или бессознательная подмена знания мнением, пусть и основанным на эрудиции, но все же не более, чем мнением... Это вовсе не опровергает особого жанра эссе, размышлений историка о прошлом и настоящем, игры ума. Но это, последнее, должно занимать свое место, побуждать к исследованию, показывать грани постижимого, но не выносить вердикты или претендовать на роль апробированной оценки, установленного факта.

Историческая память

Историческая память имеет несколько измерений. Это и память, восстановленная трудами историками и отраженная в их трудах, и, прежде всего – память социума, общества о своей истории. Историческая память изменчива во времени и пространстве и меняется вместе с изменениями представлений самого общества о себе, она меняется и в отношении к факту, к эрудиции транслятора этой памяти. Заметим очевидный факт: если в

докомпьютерный период излагаемый лектором или, шире, просветителем, материал служил важнейшим ориентиром и источником знаний, то теперь, с широкими информационными возможностями само значение полученных таким образом сведений уменьшается, ибо простое обращение к Интернету снабдит потребителя желаемой информацией.

В теории культурной памяти Я. Ассмана, с ее противопоставлением культурной и коммуникативной памяти, не хватает понятия конструируемых реперных точек исторической памяти, что важно. Общество само постепенно берет из истории и закрепляет в своей памяти цементирующие основы его бытования, факты и события. И очень опасна их подмена искусственно насаждаемыми идеологемами и представлениями. Как правило, они недолговечны, но могут приводить народы и страны к опасным конфликтам, разделять их без реального на то основания или на фиктивном основании. Манипулирование историей – опасное идеологическое оружие, и это надо понимать и нельзя недооценивать. Конечно вопрос о культурной памяти не исчерпывается только «политикой памяти» и манипулированием историей, он шире, философичней и нуждается в специальном осмыслении. К примеру, немалое значение имеют и «места памяти», разные у разных поколений, психология и эмоциональная оценка воспринимаемых событий, их отбор и фиксация в том, что мы называем интеллектуальным багажом. «Местами памяти» общество неизменно выбирает места славы или скорби, но не места позора и поражения. Но, как отмечает исследовательница: «Если в арсенал «мест памяти» советского общества прочно вошли и «Ленин на броневике», и «залп Авроры», и «штурм Зимнего», то за последние 30 лет ситуация в корне изменилась. Прежние «места памяти» явно утратили свою актуальность, но на их месте пока не появились новые»⁷. «Места памяти» не конструируются. Они медленно вырастают из памяти народной. Роль в этом историков велика, но процесс «укоренения» «мест памяти» долг и сложен. Новая Россия здесь, наверное, в начале пути.

Важная конкретная проблема исторической памяти – постепенное формирование идентичности народа, в том числе – через становление его проявлений в виде символов и атрибутов. Тут сложное переплетение традиций и заимствований, которые необходимо изучать, но символы имеют не мистическое, но глубокое идейно-психологическое значение. В них заключены приоритеты и константы общественного сознания. Их выбор не может быть навязан. Если символ привнесен и чужд, он легко и сравнительно быстро отторгается. Символом является не только герб, флаг, знак, но и музыка – гимн, например. И вот как раз разительный пример отторжения – внедрение в 1990 г. в качестве гимна Российской Федерации прекрасной самой по себе «Патриотической песни» Глинки (хотя более бы подходило «Славься» того

⁷ Талызина А.А. 1917 год глазами современного российского школьника // Великая российская революция, 1917: сто лет изучения. М., 2017. С. 683–690.

же Глинки) и возврат в 2000 г. к музыке А.В. Александрова и стилистике советского гимна.

И еще кое-что об исторической памяти и ее воплощениях. Хотите узнать характер человека? О многом может рассказать его жилище. Это касается и правителей. У императоров, если они правили сколько-нибудь продолжительно, есть свои архитектурные портреты. У Петра Великого – Петропавловская крепость, у Павла I – Михайловский замок, у Александра III – Гатчина, и так далее. У советских руководителей – это дачи, их загородные резиденции, места, где они могли раскрыть свой характер и проявить свои наклонности вне стен официальных резиденций, подчиненных строгому и требующему сдержанной скромности этикету. Вспомните дачи Сталина, так похожие одна на другую, Ореанду Брежнева или Форос Горбачева... Генный места позволяет историку глубже понять склонности и предпочтения властителей державы, подчас скрытые мотивы их поступков. А потому они неизменно должны быть в поле зрения историка, учитывая, что подчас пристрастия правителя способствуют иногда и рождению нового стиля в архитектуре и, шире, в искусстве. Ведь и саму эпоху (барокко или классицизма, к примеру) мы нередко называем по имени этих стилей, присваивая им имена династий и правителей. Вспомним «Возрождения» – каролингское, оттонское, итальянское, названные по имени стилей, стиль Версаля Людовика XIV – идеальное воплощение абсолютизма в архитектуре, наполеоновский ампир, нарышкинское барокко, неовизантийский (псевдодревнерусский) стиль в архитектуре при Александре III, сталинский ампир и т.д. Разумеется, правитель как бы подхватывает то, что рождает само общество, продукт его интеллектуального развития. Но из многих составляющих выбирается наиболее характерное, яркое и значимое. Роль «заказчика» часто не менее значима, чем роль талантливого творца-исполнителя. Без римских пап XVI в. или без Медичи, наверное, не могли бы быть созданы многие творения Леонардо или Микеланджело. И, с другой стороны, ледяной холод власти иных правителей, их самоуверенность и самодурство, или безумная горячность их фанатизма в слепой приверженности несуществующему идеалу не раз и не два в истории останавливали творческий порыв и саму возможность гениальных воплощений в изобразительном искусстве или в литературе. Риторический вопрос: что бы мы обрели в поэзии, если бы Пушкину позволили посетить Италию или Францию с их шедеврами мирового искусства? А ответ простой, он есть, и он нагляден. И. Бродский создал «Римские элегии», а М. Таривердиев – изысканную музыку «Воспоминание о Венеции».

Маркером истории являются и награды, многие из которых символизируют страну и эпоху. Классические примеры – английский орден Подвязки, бургундский, затем – австрийский и испанский орден Золотого Руна, орден Почетного Легиона, учрежденный Наполеоном, советский орден Победы... Но в воплощении награды (конечно, помимо традиции) особая роль принадлежит ее учредителю или корпорации учредителей, стоявших у власти.

Именно масштаб их личности и личности их преемников обеспечивает символическое, если не сказать почти сакральное, значение этих знаков чести. Требуя особого рассмотрения вопрос о том, как и почему тот или иной символ, знак пришедший из прошлого, в одну эпоху героизируется, а в другую – забывается и попирается. Вот хотя бы история с нашей георгиевской ленточкой – символом героизма, рожденным екатерининским орденом, утраченным и затем возрожденным с орденом Славы в советской России, почти забытом в лихие девяностые, а ныне ставшим вновь знаком памяти, гордости и победы с шествием Бессмертного полка.

Закономерности

Размышляя о ходе истории, мне показалось важным отметить несколько любопытных закономерностей, сейчас лишь наметив их, предложив нашему сообществу более внимательное их рассмотрение (или опровержение).

Первую из них я бы назвал закономерностью имитативной повторяемости. Происходящие в обществе на протяжении столетий процессы социально-экономического и культурного развития обнаруживают удивительную схожесть, заимствование форм, при существенном различии явлений, их составляющих. Достаточно сопоставление событий Великой Французской и Великой российской революций или развитие разных экономических и финансовых кризисов. Возможно, дело в том, что вступая в новый этап своего существования люди привычно маскируют изменения и представляют их в привычных, ранее виденных формах. Повторю, это не существенное сходство, это подобие форм и образов. Существенное сходство тоже может присутствовать, но чаще всего является элементом или компонентом происходящих процессов, не сводимых только к этим параллелям.

Вторая закономерность тоже касается периодичности. Это своеобразный «закон маятника», переходящего от периода подъема к периоду стабилизации и спада, и от преобладания консервативных начал, к началам либеральным и назад, как бы эти начала мы ни определяли в разные эпохи. При этом сопоставление разных стран (возьмем классические империи: Римскую, Византийскую, Российскую) показывает ускорение этих колебаний по мере приближения к современности, быстроту переходов, часто подталкиваемую кризисами. Впрочем, смены колебаний происходят спонтанно и незаметно, часто неожиданно. Говоря о природе человека устами Воланда, М.А. Булгаков когда-то изрек: «Да, человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус!»⁸. Но эта внезапность свойственна не только человеку, но и процессам развития, их закономерностям.

⁸ Булгаков М.А. Мастер и Маргарита // Булгаков М.А. Избранные произведения. Т. 2. Киев, 1989. С. 342.

Колебания проявляются и в периодической смене доминирующих в обществе элит. Быть может, это еще одна закономерность. В любом, даже самом благополучном обществе, постепенно накапливается то или иное недовольство. Политические амбиции ранее маргинальных групп этим подогреваются и иницируются и затем выплескиваются на все общество.

Рассматривая состав этих элит и их лидеров, я бы выделил особую роль людей так называемого второго эшелона, находящихся в тени правящих монархов и иных руководителей. Назовем их условно «клерками» и вспомним правоту старой пословицы, что короля делает свита. Их роль приоритетна, и в их качестве могут выступать разные лица. Вот несколько очевидных примеров:

- Поставщики и манипуляторы, а часто и делатели информации.
- Незаменимые помощники королей, играющие свою игру.
- Друзья и подруги сердца.
- Проводники и экспоненты интересов элит и отдельных влиятельных социальных групп. От аристократических клубов до конспирологических центров.
- Видные представители силовых структур.

Конечно, исторические процессы в гораздо большей мере зависят от природных и хозяйственных циклов, имеют глубинную экономическую подоплеку. В том числе и на микроуровне человеческого организма – но нужен корректирующий коэффициент этой (вторичной) зависимости, зависимости от роли и активности (или пассивности) доминирующих элит. Недавнее рассмотрение Русской революции разными авторами в равной мере показало громадную роль в ней предательства элит и слабости, атрофии вскормленной ими правящей верхушки. Но тоже было и в Римской империи, и в Византии, и в императорском Китае, причем не раз и не два. И здесь сходство не видимое, но сущностное. Разве повторяющиеся причины этого явления не заслуживают специального анализа?

Возвращаясь к революции. Обратить надо больше внимания на психологию революций. Как прав великий русский композитор Г. Свиридов, сказавший о революции: «Колоссальный взрыв человеческого честолюбия»⁹. Взрыв из-за накопленных и нереализовавшихся порывов и амбиций... Прежде всего – интеллигенции и низов элиты. Правда революции состоит в том, что значительная, подавляющая, часть образованного общества, всех его слоев, в бездумном эгоизме утопического самовыражения противопоставила химеру прогресса и идол собственного самовыражения идее государства, геополитики, коренных устоев многомиллионного народа, соблазняя и провоцируя этот народ невозможными для реализации прианками. Почва для того была: и недостаточность образования у народа, и

⁹ Свиридов Г. Музыка как судьба. М., 2017. С. 172.

спонтанность, непродуманность, рывковость предпринимаемых реформ, и нищета почти всех трудившихся. Вечное одиночество царей и редко ими реализуемая возможность выбора лучших по их качеству соратников... В этом величие успеха Екатерины II и пример невыносимого, каторжного, тяжелого труда Николая I, труда без доверия и без его разделения с помощниками...

Русский человек подчас склонен к впадению в крайности, способен к великим подвигам и самопожертвованию, но весьма изменчив в своих страстях. Классические и противоположные примеры: 1913 и 1917 гг. и 1991–93 и 2000-е гг. Он легко склоняется под внешними влияниями от поклонения и почитания к ненависти и разрушению, и наоборот.

К большому сожалению, важным двигателем поведения, как человека, так и правящих слоев, является эгоизм. Он только смягчен иногда христианством или другими «гуманистическими» религиями. Формы эгоизма, тем более скрыты, чем социально выше общество, и почти всегда камуфлируются. Преодоление его возможно чаще всего путем компромисса или создания иной мотивации и проходит чрезвычайно тяжело. Только в моменты острейших кризисов в борьбе за выживание человечество (страны и народы) поднималось над ним. И то, в порыве большинства, а не каждого индивида. Монашество, к примеру, было попыткой преодолеть эгоизм. Но не всем подвижникам это стало под силу. И в монастырские стены зачастую переносилась зависть и несмиренное честолюбие, порождение эгоизма!

Эгоистические мотивации играют свою важную роль в истории и проявляются в первую очередь в поведении элит.

Как часто в истории (особенно в теории) недооценивается личностный фактор, игра страстей, обиженное самолюбие и простое упрямство, ненависть и зависть, просто человеческая слабость...

В современном мире значительная часть населения может долго находиться в состоянии культа потребления и «болота», но часто одной вспышки достаточно для взрыва, неоправданного и слепого увлечения. Логика мало там, где слушать не хотят и не умеют. Сильная власть России необходима не только для защиты ее народа, но и для его сбереженья. Но как важно, чтобы она была еще и мудрой, и терпеливой. Главная ей помеха – корпоративный интерес элит. В том числе, причастных к этой власти. Это гораздо существеннее угроз и проявлений коррупции, более очевидных и в сути неискореняемых нигде и никогда. Это не означает, что с коррупцией бесполезно бороться, это надо делать решительно и твердо, зная пределы возможного, при этом понимая и вскрывая связь коррупции с корпоративными интересами элит.

И еще одна важнейшая закономерность заключена в анализе соотношения гармонии и дисгармонии. И в обществе, и в душе каждого человека. Проблема гармонии в истории, историческом процессе, как кажется, и во все не изучена. Или я ошибаюсь?

Часто говорят о борьбе добра и зла как об основной линии бытия. Но не менее существенна контрверза гармонии и дисгармонии. Наверное, она и есть оборотная сторона этого, первого, конфликта? Гармоническое начало заложено в основе мироздания, и чем глубже мы проникаем в тайны материи, тем яснее это понимаем. В конечном счете, именно нарушение гармонии лежит и в деградации художественных стилей, и в торжестве антиискусства. Тоже – и в персональном дискомфорте человека, в разрушении его личности в самых разных проявлениях. Душевный надрыв, грех отчаяния, поиски неосуществимого абсолюта, завышенные самооценки, вплоть до ухода в мир грез и иллюзий, в эпатаж и грубый разврат, пьянство и наркоманию – это все о том же. Поэтому и Святители, и классики литературы говорили о мире с самим собой... Кризисные явления тоже в значительной степени связаны с нарушением таксиса, гармоничного миропорядка.

Нарушение гармонии проявляется и в манерно-демонстративном эпатажном самовыражении и самолюбовании, в утрировании и абсолютизации отдельных граней большого и сложного целого...

Кроме вопроса гармонии и дисгармонии, хаоса, а затем и предсказуемости и непредсказуемости, важное значение принадлежит экстатическим состояниям в истории, предшествующим турбулентности. Именно контроль над ними способен в последний момент модифицировать нежелательное развитие.

Стремление человечества к обретению гармонии постепенно заменяется ее разрушением (замещением организованным или неорганизованным хаосом). Гармония вначале может существовать внутри узкой, локальной (клановой, корпоративной, общинной) сферы, затем – переходить на уровень национального/общеевропейского и т.п. клише/стандарта/стереотипа. Особенностью гармонического развития, как и развития вообще, является принцип крещендо, нарастания и затем, нередко, изменения и преобразования первоначальных структурирующих основ. К примеру, самоутверждение личности, торжество индивидуализма, зачастую перерождает раскрепощенность в эгоизм – и происходит разрушение гармонии, ее подмена гипертрофиями самовыражения, изломанностью, вычурностью, эпатажем художественных стилей. Итог всего этого – в изменении идентичности человека и его мировосприятия. Утрата гармонии равнозначна разрушению личности. И побочным, но явственным проявлением дисгармонии является торжество цинизма, паразитирующего нередко на изъянах обыденных явлений.

Гармония может рассматриваться как критерий прогресса в истории, даже в отношениях между людьми (власть и формы подчинения, свобода сознания и свобода поведения). Кстати, о свободе и о борьбе. Опять апеллирую к человеку, воплотившему гармонию в музыке, к Георгию Свиридову: *«Борьба – есть крайняя степень несвободы. Даже борьба за сво-*

боду. Свобода – отсутствие напряжения, естественность речи, простота, доброта. Зло – всегда напряжение»¹⁰.

И христианство, и конфуцианство, и ислам, и буддизм – все направлены к созданию иерархически организованного идеального образа социального поведения, это и есть поиск индивидуальной и коллективной гармонии, проходящей через сознание «правильного». Как кажется, это все больше понимает мыслящая часть гражданского общества.

Гармония разрушается постепенно, как бы исподволь. Историк должен увидеть зарождение и развитие этих процессов. Важнейшую роль играет подмена устоев. Знакомые, видимые и осязаемые образы замещаются поначалу другими, внешне похожими, но по сути ей чуждыми. Они укореняются и становятся модными, постепенно трансформируясь в антиэстетику через привлекательное для самоутверждения иных искателей псевдоноваций «оригинальничание». Эти образы быстро и легко передаются и усваиваются, часто не требуя напряжения ума и глубоких рефлексий. При помощи несложных технологий ранее табуированные нормы поведения превращаются в повседневную практику, постепенно, но радикально разрушая социум. И тут на память приходит старая пословица, по сути характеризующая скорость и направленность информационных потоков: «добрая слава лежит, а худая бежит». И в этом тоже одна из закономерностей трансляции сведений, учитывать которую историк обязан, дабы не исказить глубинных основ происходящих процессов, не подменять плодоносный слой земли поднимающейся над ним пылью. Отсюда и проистекает жесткое и обязательное требование к историку-профессионалу: осторожно и неторопливо, со всей тщательностью отбирать сведения, не поддаваясь соблазну принять обертку за содержимое, поверхностное, пусть даже афористичное суждение за существенную характеристику.

Вектор развития

Рассматривая динамику общественного развития, смену «формаций» или типов социальной организации, выкладывая на одну теоретическую плоскость явления разного уровня, масштаба и значения, мы все время стараемся «раздать всем сестрам по серьгам». Проблеме исторического времени в этой связи уделяется в последнее время огромное внимание¹¹. И нельзя не признать значение теории множественности скоростей исторического времени, сформулированной Ф. Броделем. Учитывая все это, вместе с тем нельзя рядопологать явления разного уровня и значения. Важнейшую роль при анализе направленности и значимости исторического процесса должен

¹⁰ Свиридов Г. Музыка как судьба... С. 189.

¹¹ В качестве синтезной работы укажу только: Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997.

играть анализ ВЕКТОРА развития. Не всё изменяющееся социально значимо. И в чисто педагогических целях, в первую очередь, выделение векторов развития (при опускании менее значимых перемен в истории стран и регионов, и даже истории отдельных государств в отдельные периоды) мне кажется необходимым. Значение России в мире после победы над Наполеоном или СССР после Великой Отечественной войны, к примеру, не сопоставимо со значением, скажем, Либерии (при всем должном уважении к ней) в тот же период. И не надо этого стесняться при отборе материала в наших сводных трудах, где именно векторам развития мировой цивилизации стоит уделять пропорционально большее внимание.

Состояние науки и современное информационное пространство

Оценивая состояние исторической науки, необходимо принять во внимание несколько внешних и внутренних факторов, влияющих на ее развитие. К числу первых я бы отнес, прежде всего, переходное состояние самого общества, находящегося в стадии социально-экономической и политической трансформации. В этой обстановке недоверие значительной части общества к прежним схемам перемежается с восприимчивостью к псевдоисторическим и внешне эффектным, но далеким от науки сенсационным «открытиям» и построениям. Альтернативой им служит зачастую, увы, не добротная современная научная продукция, а перепечатки дореволюционных или зарубежных трудов. Развиваются тенденции превращения истории в элемент «медийной культуры», чему активно и успешно содействуют средства массовой информации. Используя растущий и неудовлетворенный интерес общества к собственному прошлому, формируется жанр продукции, который я бы назвал «история на продажу», где причудливо переплетены выступления членов академического сообщества с беллетристическими интерпретациями, а нередко, и прямой вульгаризацией. К чести ряда серьезных каналов телевидения грань между занимательностью, художественностью и документальностью проводится четче, но ангажированность ряда передач и там нередко очевидна.

С другой стороны, процесс укрепления государственных институтов и самой структуры власти способствует формированию политических запросов ко всей сфере истории. Они требуют ответов на возникающие проблемы современности, но как вопросы, так и ответы не всегда учитывают глобальные, геостратегические задачи, стоящие перед обществом и государством, да и само состояние науки, ее ресурсные и кадровые возможности не всегда принимаются в расчет.

Начинает просматриваться также очевидный перекосяк в государственной поддержке различных отраслей науки, где явное предпочтение при распределении грантов и премий, например, отводится «приоритетным» областям,

преимущественно естественных наук. Примечательно, что историческая наука (как и другие гуманитарные науки) не вошла в перечень восьми приоритетных направлений развития науки, утвержденный в 2011 г., хотя очевидна её роль в формировании самой идентичности нации. Более того, уверен, что её развитие имеет стратегическое значение, обеспечивает безопасность и стабильность развития страны и общества, создает и сохраняет психологическую устойчивость, укореняет человека во времени и пространстве. Эта недооценка не только принижает значение гуманитарных областей знания в сознании масс, но и создает перекося в самом развитии науки, единой и междисциплинарной в своей сущности.

Современная историческая наука отличается от исторической науки всех предшествующих эпох тем, что она развивается в новом информационном пространстве, заимствуя из него свои методы и сама влияя на его формирование. Сейчас на первый план выходит задача не просто написания исторических трудов на ту или иную тему, а создание верифицированной истории, проверяемой большими и надежными базами данных, создаваемыми усилиями творческих коллективов. Использование Интернет-ресурсов, и это надо отметить, имеет двойкий характер – они способны, при правильно организованном поиске, дать важную информацию из вторых рук (часто не добываемую самим исследователем), но вместе с тем, в силу открытости системы и произвольности доступа к ней, эта информация зачастую не достоверна, и системно не обработана, содержит ошибки и просто фальсификаты. Кроме того, она имманентно носит фрагментарный характер и слабо структурирована. Явлением стало появление в Интернете большого числа дилетантских сайтов, востребованных неопытным читателем, а возможно, даже и управленческими структурами. Выход один. Ни в коем случае не вводить каких-либо запретов или ограничений, но создавать апробированные научным сообществом ресурсы с их лицензионной аккредитацией, в первую очередь – на сайтах ведущих университетов и институтов РАН. Особую роль призваны играть создаваемые коллективами ученых (совместно со студентами, где это возможно) банки и базы данных, становящиеся основой обобщающих научных публикаций. Именно на их создание мы ориентируем молодых исследователей.

К числу значимых внутренних факторов развития исторической науки я бы отнес эрозию прежних теоретико-методологических ориентиров. Произошел декларативный отказ (без широких дискуссий) от гносеологического монизма в принятой у нас ранее, упрощенной марксистской трактовке, и совершился переход к плюрализму. Отказ от марксистской интерпретации истории иногда доходит до крайних форм отрицания теории прогресса, поступательного движения мировой истории вообще, до релятивистских оценок исторического развития.

Это не только наша особенность. И на Западе идет освобождение от диктатуры прошлых школ. Например, во Франции – это борьба с наследием и

вокруг наследия «школы Анналов». Французские историки прямо говорили о «тирании Анналов» и о необходимости ее преодоления. Наше своеобразие заключалось в навязывании обществу определенных идеологических императивов, тогда как во Франции, например, мотивация выбора у ученого была иной, историко-культурной, стремящейся к тому, чтобы не стать, по их выражению, *démodé*, старомодным. Кстати, во Франции всегда история и историческая наука были важным компонентом общественного сознания. К ним всегда относились и относятся с большим уважением, хотя и нередко считают по-прежнему, скорее искусствами, чем наукой. И не случайно, сейчас Франция поддерживает крупные исторические проекты, получающие государственную и грантовую поддержку (так называемые тематические программы CNRS Национального центра научных исследований).

На вечный вопрос: “*Quo vadis?*” в применении к истории нет одного ответа. В мировом пространстве она идет разными путями, используются разные гносеологические парадигмы. На смену постмодернизму, социальной антропологии, гендерным подходам приходит глобальная история, объявленная, но еще не состоявшаяся, против которой уже возражают свои антиглобалисты. Усиливается интерес к казуальности в истории, к микроистории вообще.

Нельзя не заметить, что большинство так называемых «новых» идей современной российской историографии заимствовано с Запада (постмодернизм, гендерная история, социальная антропология, культурология и т.д.). Многие из этих направлений на Западе уже выдыхаются или сменяются иными. На смену им приходит интерес к частным фактам и явлениям, история казуальности, индивидуальных проявлений, роли особенного в истории. В этом у нас есть свои, не менее известные приоритеты – вспомним альманахи «Одиссей», «Казус», «Адам и Ева», работы Ю.Л. Бессмертного и М.А. Бойцова. Но право же, остается проблема – что для чего? Искусство для искусства (*L'art pour l'art*, *art for art's sake*) или история как наука и интерпретатор прошлого? Я лично склоняюсь к последнему. И пусть нас не обвиняют в фактологичности, ранкеанстве и приверженности к старой концепции историзма – природа не выдумала лучшего инструмента для измерения человека, чем сам человек. Принцип антропоморфизма – тоже научный принцип, известный с античности. Он не противоречит социальному анализу, не отвергает поиска закономерностей. Но правильно ли возводить случайное и единичное в ранг показательного? Не важнее ли сохранить концептуальное видение всемирно-исторического процесса, познать связь времен и деление эпох? В этом направлении идет и мировая историография. Мучительно преодолевая фрагментацию исторического знания, она стремится создать транснациональную или глобальную историю с системой глубоких взаимосвязей и переплетений, выявляемых на междисциплинарной основе. Есть у нее и свои «антиглобалисты»...

Может быть, на смену теории формаций, цивилизационному, микро- и макроисторическому подходу придет история векторная, история истори-

ческих столетий (не хронологических, а именно исторических, разной длительности, по-разному ориентированных для различных регионов)? И нам предстоит задуматься, были ли в разные века свои определенные полюса притяжения, детерминанты будущего развития, центры культурной и политической «моды»? И если да, то как и почему они сменяли друг друга, как взаимодействовали с окружающим миром? Можно привести примеры особой роли императорского Рима в I–II вв., Византии в VI веке, Франкского государства – в IX, папства – в XIII, Российской империи – в XVIII в., все они показательны. Уход от европоцентризма, признание равнозначности всего и всякого поля человеческой цивилизации для ее поступательного развития принесли не только преимущества идейной и политической корректности, но и очевидные интерпретационные издержки. Может быть, поиск нового в науке истории заключается как раз в соединении общеисторического с конкретно историческим, как бы трудно это не было? И теория прогресса, от которого многие так скоро готовы отказаться, быть может не так уж и бесполезна?

Стоит подумать, почему российские историки не занимают сейчас ведущих позиций в мировой историографии, особенно в методологии истории. На то есть несколько причин. Во-первых, в силу вышеуказанных факторов подражания чужим модам. Во-вторых, наших историков мало знают и редко читают на Западе, несмотря на некоторый рост числа статей, публикуемых российскими авторами в зарубежных исторических журналах, учитываемых информационной системой Web of Science (кстати, весьма несовершенной в области гуманитарных наук). Мы недостаточно печатаемся на основных западноевропейских языках – а сейчас, с нашей интеграцией в мировую науку, для наукометрии, рейтинга вузов и т.д. это становится необходимым. Необходимым еще и для того, чтобы предотвращать донорство, что подчас случается, когда идеи и подходы российских ученых, изложенные на русском языке, без ссылок на них используются в иностранной историографии. В-третьих, у нас подчас не хватает смелости открыто сказать, что не все забытое старое плохо, что многие традиционные приоритеты не утрачивают своего значения и ныне, когда каждое поколение историков создает свою историю. Есть вечные ценности и универсальные истины. Отказ от них – регресс. Традиция и новация не противопоставление, а необходимое взаимодополнение. Впрочем, это трюизм, всеми понимаемый, но нередко отвергаемый на практике в пользу одного из двух компонентов. Традиция сохраняет и передает историческое наследие, это транслятор идей от прошлого к настоящему. В-четвертых, и, возможно, это главное: статистически доказано, что в нашей стране пока и количество исследователей, и расходы на общественные и гуманитарные науки остаются крайне низкими по международным меркам. Этот объективно неблагоприятный фактор сдерживает развитие науки и прежде всего ее теоретических областей. Государственная поддержка гуманитарных исследований, переводы классических трудов отечественных ученых

на иностранные языки, создание русских научных центров за рубежом, все это существенно отстает от того, что делается в США и в Западной Европе. Вспомним хотя бы французскую программу «Пушкин», позволившую перевести на русский язык десятки фундаментальных работ французских историков, укрепив авторитет и влияние историографии этой страны.

Остро стоит проблема разной интерпретации исторических событий учеными России и стран ближнего зарубежья. Мы вышли из одной купели, из общего образовательного пространства, и логично искать общие подходы к изучению нашего общего прошлого, во всяком случае – в преподавании. Средством этого может быть только диалог, неангажированный подход к истории, отказ от ложной политизации. Интеграционные процессы сложны и неоднозначны, включают много компонентов, по-разному интерпретируемых историками. Наряду с ними действуют и мощные факторы дезинтеграции, не замечать и не учитывать которые нельзя¹². Придерживаясь принципиальной, взвешенной позиции, нельзя не осознавать, что есть поля, где найти консенсус будет крайне трудно, учитывая, что весьма часто правящими элитами некоторых бывших советских республик, а ныне самостоятельных государств, заботящимися о формировании новых национальных идентичностей, ведется активный поиск «исторических» аргументов для обоснования своих позиций, с переосмыслением традиционных подходов и трактовок¹³. Образ национальной идентичности нередко строится по принципу «от противоположного», на отрицании тех основ, которые в прошлом являлись скрепами нашего единения. Торопливость пренебрегает истинностью. Симптомы подростковости свойственны, увы, не только отдельным людям, но и целым рождающимся направлениям общественной мысли. Нужно терпение и культура анализа, использование комплексного, многоуровневого, системного подхода в интерпретации часто весьма сложных и неоднозначных событий и фактов, при сохранении приверженности тому духовному наследию, которое унаследовано нами и завещано нам многими поколениями наших предков.

Обращает на себя внимание тот факт, что некоторые традиционные приоритеты нашей науки, как, например, социально-экономическая (особенно – аграрная) тематика становятся все менее привлекательными для научной молодежи в условиях развала многих научных школ, отсутствия опытных научных лидеров, способных поддержать интерес в молодых исследователях. Кроме того, нужны новые стимулы. Не только материальные, что тоже

¹² См., напр.: Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и урегулирования конфликтов / под ред. В.А. Тишкова. М., 2018; Тишков В. А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве: (исторический аспект)// этничность и власть в полиэтничных государствах: материалы междунар. конф. 1993 г. – М., 1994. – С. 9–34; Пивовар Е.И. Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. Изд. 2-е. Спб., 2010.

¹³ См., напр.: Пивовар Е.И. Восстание 1916 г. в Туркестане в современной историографии стран постсоветского зарубежья // Туркестанское восстание 1916 г.: факты и интерпретации : материалы международной научной конференции, Москва, 23–24 мая 2016 г. – Москва : ИРИ РАН, 2016. С. 29–31.

необходимо, но и создание новых баз данных, новых интересных методик их обработки (с использованием, к примеру, GIS или др.). Конечно, все сказанное не отрицает необходимости, например, истории сословий и институтов, атрибутики власти, или поисков индивидуальности. В истории – и это принципиально – должно быть место для разных подходов и всех направлений. Иначе она мертва как наука. Но всегда останется проблема, как собирать кубики вместе, и нужно ли это делать? Неминуемо общество задаст нам вопрос, как следует понимать стержневые закономерности развития нашей страны и окружающего мира. От этого не уйти, если мы остаемся в научном поле. И уже сейчас просматриваются некоторые ориентиры будущего науки, которые мы должны учитывать и использовать, а часто и опережать – внимание к составлению верифицированных гигантских баз и банков данных, распространение их доступности и информационной насыщенности пока по отдельным сегментам истории, моделирование исторических процессов. Новая архивистика предоставляет научные, индексированные он-лайн презентации всех материалов огромных мировых собраний документов прошлого (пример – архив экономической истории Института Франческо Датини и Архива в Прато, Италия). Возможности синергетики также открывают новое поле для историков. Просматривается переход к новой социальной истории и новой экономической истории, с массированным использованием технологий математических и естественных наук. Большой прорыв сделан в генетике – и это имеет прямое отношение к антропогенезу и развитию отдельных этносов и социумов. К счастью, в ряде этих областей у нас есть достижения, и их надо закреплять.

И все же при ориентации на любую гносеологическую теорию историк имеет только один выход, создавая труды, рассчитанные на долговечность и научную востребованность. Он заключается в чистоте и глубине ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО анализа на междисциплинарной основе – это истинный ключ и проверка и достоверности, и профессионализма.

Принципиально важно сохранение принципа системности развития, включающего многие достижения исторической мысли от позитивизма и марксизма до современных исканий противников постмодернизма.

Количественный анализ, важнейший инструмент исторических реконструкций, имеет свои пределы и не может претендовать на полную объективность в отрыве от логического, экспертного анализа фактов на основе согласованных и признанных научным сообществом критериев. И здесь возникают проблемы выработки этих критериев, их признания и внедрения в образовательный процесс. Простейшие примеры этих трудностей – расходящиеся оценки исторических личностей с точки зрения результативности и моральности их действий, вопрос об издержках исторического процесса и цене преобразований, например, модернизации.

Доверие общества к истории и историкам поколеблено и из-за частых конъюнктурных переоценок. Старые фальсификации, сменяющиеся новой

ложью, – как писал акад. Ю.С. Поляков, – заставляют хромать на обе ноги не только науку, но и общество¹⁴. Стремление к исторической объективности, добротность материала и способов его обработки – важнейшие принципы нашей работы, от которых не может быть отступлений, если мы хотим сохранить лицо, притягательность и нужность нашего образования.

Обращает на себя внимание тот факт, что в то время, как во многих странах Запада интерес к истории падает, у нас он, наоборот, возрастает. Правда, поле для этого роста часто не обработано, и на целине малой гуманитарной культуры пробиваются тучные сорняки доммыслов и произвольных интерпретаций, легковесных сенсаций. Противостоять этому можно только долгой разъяснительной работой, в основе которой лежит принцип историзма, критика источников, комплексный анализ, четкое отделение точно установленного от предполагаемого, отказ от «вкусовых» характеристик и оценок. К сожалению, в нашем обыденном сознании глубоко укоренена вера в истинность всякого печатного слова. И неискушенный читатель склонен доверять доммыслу в псевдонаучном обрамлении. Зачастую в историческом сознании людей художественное и научное изложение недифференцированы. Более того, художественный образ (пусть и недостоверный) запоминается и усваивается легче и прочнее в силу своей яркости. И как бы банально это ни звучало, роль квалифицированных оценок, значение «грифованных» изданий и, особенно, честность и неангажированность авторов исторических текстов как никогда важны. Существенно, чтобы инкубатором исторических представлений были основанные на источниках труды (вспомним, как в XIX в. образованные люди зачитывались вполне научными и очень нелегкими для запоминания книгами С.М. Соловьева). И вновь, и вновь о значении рецензентов, отвечающих за публикуемые труды своей репутацией.

Озабоченность руководства страны распространением исторических фальсификатов вполне понятна и справедлива. Главный барьер им должен быть поставлен не цензурными ограничениями, а тщательной и профессиональной экспертизой, пропагандой научных исторических знаний, выявлением способов и источников фабрикации лжеисторических построений. При этом историк не должен стремиться угодить «социальному заказчику», жертвуя исторической достоверностью и скрывая или упрощая сложные, неоднозначные, амбивалентные процессы и явления. И в полемике с оппонентами необходимо мужество твердо говорить «нет», не поддаваясь соблазну ложных компромиссов.

Ликвидация так называемых «белых пятен» в отечественной истории усилила тенденцию к новым архивным изысканиям и публикациям, что благо. Отраднo, что многие такие труды отличаются высокой археографической культурой, но наряду с ними появляются издания без должного аппарата, перепечатки без ссылок на предыдущие публикации, небрежно и

¹⁴ Поляков Ю.А. Историческая наука: итоги и проблемы. Кн.3. М., 2009. С. 29.

быстро формируемые издательствами ради скорой прибыли опусы. Как хотелось бы, чтобы издания текстов источников имели свой знак качества, как это было на сертифицированных изделиях промышленности. Но и здесь, и уже в третий раз – о роли рецензентов! Не цензоров, ни в коем случае, но «технических контролеров».

Важнейшим условием пополнения научных школ является наличие аспирантуры. Теперь уже всем очевидна ошибка причисления ее к «третьей ступени высшего образования». Подготовка диссертации как аналитического самостоятельного исследования – очевидный и необходимый итог обучения в аспирантуре. Но нельзя не отметить отток из аспирантуры и заметное ослабление интереса к обучению в ней выпускников вузов. В первую очередь это связано с недостаточным финансированием для человека уже зрелого и получившего образование. Результатом недофинансирования становятся постоянные подработки (или даже параллельная постоянная работа) аспиранта, отвлекающие его от целенаправленной научной деятельности. Но дело не только в этом. Аспирант все время сталкивается с усложнением и изменением экзаменационных требований, критериев оценивания, перегрузкой классными занятиями, в том числе по уже «проходившимся» или для него маргинальным дисциплинам. Усложняются требования к публикациям, растет их число, существуют трудности помещения работ в реферируемые журналы, что во многих случаях связано с материальными издержками. Перспективы последующего трудоустройства в основном с невысоким заработком в вузе или академическом институте тоже далеко не радуют. В итоге аспирантура остается привлекательной либо для (увы немногих) самоотверженных энтузиастов, либо для весьма обеспеченных людей. Но аспирант – это будущее научной школы, в которую он должен быть интегрирован. И именно модуль этой интеграции и является главной проблемой научной политики.

Помимо аспирантуры (и после нее) мне представляется важным институт постдоков, хорошо себя зарекомендовавший за границей. Ведь наши исторические научные школы не безграничны. Мы все, входящие в них, живем как бы на льдине, и любая убыль или ошибка может быть чревата исчезновением самой этой школы (что отчасти и происходит, к примеру, с аграрной историей). Постдоки даются на определенный небольшой срок, до трех лет, финансируются наравне с оплатой научных сотрудников и, если конкурсант проявил себя как перспективный ученый, он зачисляется в штат кафедры или лаборатории. А если нет – освобождает место другому. Право на «отсев» у научного коллектива должно быть. Как и право пополнения штата за счет постдоков.

Наукометрия

Нужда в согласованных и объективных критериях оценки эффективности исследования, преподавания и усвоения истории очевидна. Пока

их нет (если не считать общепризнанных премий или безусловного одобрения консенсуса профессионалов). Критериями, к сожалению, не могут быть индексы цитирования, так распространенные в естественных науках. Показатели числа ссылок мало что демонстрируют, ибо выбор журналов для их анализа весьма произволен, наиболее острые в полемическом отношении альманахи в нем не учитываются, а многочисленные ссылки в книгах просто игнорируются. В отборе журналов для анализа мощно присутствуют психо-социальные факторы и предпочтения лидеров наукометрии¹⁵. Сама аналитика работы со ссылками игнорирует качественный анализ исследований по истории¹⁶. Есть, например, крайне важные темы, которыми занимается небольшая группа ученых. Ссылки на эти работы содержатся в немногих специальных и высокоавторитетных изданиях (типа «Средних веков» или «Археографического ежегодника», не учитываемых в наукометрии). И есть «кричащие», скандальные публикации, ненаучные по сути, но ссылок на них (хотя бы для опровержения) будет море. Значит ли это, что подобные труды лучше тех, что вырастают из многих лет архивных или иных штудий и могут быть востребованы значительно позднее? Возможно, одним (но только одним из многих!) показателем эффективности может быть учет использования результатов изысканий в учебной практике, их применимость в оригинальных трудах последователей или оппонентов, в создании и поддержке научных школ и направлений. Нельзя не отметить и нашу собственную слабость: рецензирование работ коллег осуществляется от случая к случаю, на страницах исторических журналов ему не уделяется должного внимания, а об аннотировании и говорить нечего. Между тем, в таких изданиях, как “*Annales*”, “*Speculum*” и множестве других престижных журналов на Западе до половины объема выпуска отдается рецензиям и историографическим обзорам. Там и лежат ключи и к информации, и к оцениванию. Чтобы наладить хотя бы аннотирование отечественных и зарубежных публикаций можно привлекать научную молодежь, позаботившись и о её материальном поощрении.

Полагаю, что нормативное закрепление списков журналов, где только и должны публиковаться статьи диссертантов (перечней ВАКа и научных советов по защите) – дело бесперспективное и подчас плодящее коррупцию. Также как и учет индексов Хирша, импакт-факторов и прочих аналогичных «показателей». Так есть ли критерии научного определения значимости публикаций, их апробирования? Мне кажется, есть. Они – в авторитете и научной ответственности авторитетных рецензентов статей,

¹⁵ См.: Писляков В.В., Дьяченко Е.Л. Эффект Матфея в цитировании статей российских ученых, опубликованных за рубежом // НТИ. сер. 2. Информационные системы и процессы. 2009. №3. С. 19–24.

¹⁶ См.: Савельева И.М., Полетаев А.В. Публикации российских авторов в зарубежных журналах по общественным и гуманитарным дисциплинам в 1993–2008 гг.: количественные показатели и качественные характеристики. Препринт WP6/2009/02. М., 2009. С. 28–31.

отвечающих за качество публикаций своим личным, научным реноме. Если имя рецензента обозначено при публикации статьи, он отвечает за нее своей репутацией. В том же случае, если он рекомендовал некондиционную работу, его имя исключается из пула возможных рецензентов. Разумеется, должны быть созданы стимулы для самих рецензентов – это и материальное вознаграждение за рецензию, и учет факта ее написания в наукометрических показателях, необходимых для квалификационных оценок и избрания на должности. Было бы желательным, чтобы в числе рецензентов был бы как «маститый», признанный ученый, так и молодой, утверждающийся в науке человек.

Историк как индивид

Каждый имеет свою меру понимания чужих идей. Она неодинакова у разных людей, и никогда не бывает полна и имманентна анализируемому образцу. Невозможно в принципе полно и адекватно оценить творчество большого и многогранного ученого, не повторив его, и по онтологическим причинам, и чисто практически.

Важен вопрос о поисках ключа к идейному наследию ученых, к тому, что составляло сущностные характеристики их трудов. У каждого большого ученого есть такая, только его творчество определяющая, парадигма. К примеру, у Ф. Броделя – это идея истории большой длительности, *longue durée*, у Д.С. Лихачева – положение об этикетности древнерусской литературы, у Л.М. Баткина – мысль о диалогичности культуры Возрождения и так далее. С.С. Аверинцев восстанавливал единую цепь духовной культуры, протянувшуюся от протохристианства к нашим дням. Он стремился к реабилитации и истолкованию, через тексты и символы, всей совокупности христианского идейного наследия – от предтеч до интерпретаторов. Может быть, в этом и есть главный смысл и содержание его труда. Понимая значение «малых форм», многие глубокие мысли он заключал в жанр элегантного научного эссе, в живое слово лекции и проповеди, предпочитая их обремененным сухой схоластикой «комплексным» обобщениям.

Конечно, творчество крупных ученых абсолютно не ограничивается этими немногими направляющими, их на самом деле намного больше, но для постижения большего нужна отправная точка. Найти ее не всегда легко, а часто такой поиск (осознанный или нет) приводит к ложным выводам, от которых никто не свободен. И все же необходимость осмысления научного наследия оправдана и необходима.

Нельзя забывать и о моральной ответственности историка за экспертные оценки, за достоверность и объективность информации. У каждой профессии есть свой долг. Кодекс чести исследователя подобен клятве Эскулапа. Не погрешь истиной ради любого соблазна... И тяжкий грех историка – намеренная фигура умолчания, представление о бывшем как небывшем.

Об этом писал еще Аристотель, ссылаясь на афинского трагика V в до Р.Х. Агафона: «Ведь только одного и богу не дано: Не бывшим сделать то, что было сделано»¹⁷.

К сожалению, большую роль в искажении действительности, особенно при характеристике отдельных ученых и целых направлений в науке имеют в наше время социальные сети, где каждый может тиражировать субъективные мнения и далее делать их достоянием общности. Отрицательными примерами этого являются приемы вырывания факта из контекста, подтасовки, смещение хронологии событий, гиперболизация или, наоборот, минимизация описываемого и многое, многое другое. Выяснение научной истины подменяется утверждением политических пристрастий в скрытой или явной форме. Политические сквозняки вновь начинают гулять по полям науки. В прошлом были печальные времена, когда травили живых. Теперь травят мертвых. Нельзя осуждать человека за принадлежность к эпохе, в которой он жил и в рамках которой действовал, исходя из полученного воспитания, нравственных установок и объективных условий. Можно и нужно оценивать прежде всего вклад ученого в науку или отсутствие такового. Но, с грустью отмечаю это, социальные сети часто способствуют не выяснению, а искажению происходившего. Впрочем, как и мемуары некоторых авторов. Будь осторожен, читатель!

О сбережении народа историков

И о сбережении народа историков. В России всегда было много талантливых людей. И всегда отношение к ним было расточительным. Сейчас, при нынешней экономической и демографической ситуации, это опаснее, чем ранее. Но я о нашей профессии. У нас удивительная способность обнаруживать таланты после смерти. У нас нет ни саморекламы (необходимой для карьерного роста и получения грантов, как это практикуется на Западе), ни корпоративной поддержки (я не имею в виду практики «высших школ», рекламирующих пришедших и работающих у них доноров из других заведений). Я о нас. Слава Богу, мы стали делать хотя бы презентации вышедших книг и помещать информацию о них на сайтах. Но поднимаясь на более высокий уровень, мы видим явное несоответствие красивых слов о значении гуманитарного знания и скудости его материальной поддержки. Разительный пример отступления – слияние РГНФ и РФФИ. Слава Богу, что есть еще РНФ и РИО. И все же старое речение об отсутствии пророков в своем отечестве сохраняет свое значение. Потому, кстати, трудно привлекать самую талантливую молодежь в наш цех. Недостаток стимулов, мотивации, знаков признания и социального престижа – тормоз в развитии науки.

¹⁷ Аристотель. Никомахова этика 6,2 // Аристотель. Сочинения в 4 томах. М., 1984. Т. 4. С. 174.

И еще об одной категории людей. Не заметных, не публичных и чаще всего – малооплачиваемых. Но они – бесценное достояние нашей науки и культуры, золото нашего исторического сообщества – хранители музейных коллекций, кураторы рукописных собраний, библиографы, реставраторы, эксперты-архивисты. Это хранители древностей, самоотверженные их защитники. Если предположить на один миг, что их нет – и наше представление о прошлом, его материальной составляющей, весь наш инструментарий исследования погибнут. Забота государства об этой категории тружеников исторического поля должна многократно возрасти, а признательность им должна быть явлена всем. В Италии, например, Архивист – это высшая категория работника культуры, как и в Российской империи – Библиотекарь, каковым являлся И.А. Крылов.

Предлагая вашему вниманию эти суждения я всего лишь хотел, чтобы мы вместе разделили озабоченность состоянием нашей науки, и еще больше прочностью связующей нити нашей науки с обществом, с нашим народом. Страшнее всего отчуждение интеллигенции от власти. Это путь потрясений. Это путь последующей подмены высокообразованной научной элиты ретивыми «полуобразованцами». Со всеми политическими и идейными последствиями. И такой путь мы уже проходили. С него надо решительно сойти, но не кривя душой и давая объективные оценки явлениям прошлого и настоящего. Предостерегая об опасностях и радея о стране и ее людях. Без гнева и злопахательства. С любовью к ближним, без страха причинить боль тогда, когда мы излечиваем недуги.

В защиту Академии и академических принципов

В поддержании уровня нашей науки важнейшее значение имеет сохранение и укрепление наших приоритетов, конкурентных преимуществ. Одной из опор всей нашей научной деятельности была основанная Петром Великим Академия наук. В скором времени мы будем отмечать её 300-летний юбилей. Мало какая организация может похвастаться такой продолжительностью непрерывного развития. Ослабление ее позиций, отрыв от Академии ранее подведомственных ей научных институтов, несомненно, ослабили нашу науку, нанесли ей тяжелый урон, который придется «врачевать» много лет и со многими издержками. Сами исходные положения о необходимости реформирования Академии далеко не бесспорны.

Положение первое: о недостаточной эффективности Академии – весьма спорно и не аргументировано само по себе. Достижения РАН накануне принятия закона об Академии были отражены в документах Общего собрания и они значительны¹⁸. К сожалению, весьма многие научные открытия ученых

¹⁸ См., напр.: Отчетный доклад Президиума Российской Академии наук. Научные достижения Российской Академии наук 2012 г. М., 2013.

РАН остались невостребованными, а потому и неоцененными. Кроме того, достигнутые результаты несоизмеримо выше государственного финансирования РАН, при том, что общее финансирование науки в России в недавнем прошлом было примерно в 14 раз меньше, чем в США, в 10 раз меньше, чем в объединенной Европе. Уязвимость позиции РАН и ее руководства заключалась в неумении широко представить общественности и власти результаты трудов сотрудников ее институтов и членов РАН, в очевидной слабости академического ПИАРа. Это принесло свои быстрые и разрушительные плоды в сочетании с мощной атакой неолиберальных СМИ на общественное мнение.

Положение второе: о мнимом отставании нашей академической науки от науки «передовых стран» – нуждается во многих уточнениях. Во-первых, уже не раз проводилось сопоставление продуктивности исследований с долей финансирования науки. У нас она выше¹⁹. Во-вторых, оно основано на необъективности показателей т.н. индекса цитирования. Не секрет, что он в немалой степени опирается на финансовые рычаги формирования индексов и даже манипулирование ими, а также зависим от публикаций в англоязычных журналах²⁰. Давайте ради эксперимента составим индекс цитирования американских трудов в нашей периодике, и мы получим обратный результат. Кроме того, индексы не учитывают монографии и публикации в сборниках трудов (а они нередко авторитетнее журналов), а также рецензии на книги и иные издания с развернутым анализом их значимости.

Третья неверная посылка: отождествление и уравнивание научного потенциала РАН с потенциалом отраслевых академий (Гл. 6, ст. 18 ПФЗ). Они не сравнимы. Отраслевые академии создавались в разное время и с разными задачами. Они имеют иные исторические традиции и специфический состав членов. Он более ориентирован (и это хорошо и справедливо) на отраслевую науку. Постепенно в нашей стране складывалась система, когда РАН принадлежала роль своеобразного интегратора деятельности отраслевых

¹⁹ В удельном весе стран в общемировом числе публикаций в научных журналах, индексируемых в Web of Science в 2007 Россия имеет 2,42%, в то время, как США – 29,8% (соотношение 1:12,3). Однако затраты на исследования и разработки составляли в 2006 г., соответственно, 20154,9 млн. долларов и 343747,5 млн. долларов (соотношение 1:17). См.: Индикаторы науки: 2009. Статистический сборник. М., 2009. С. 308–309, 334.

Учитывая два фактора: что доля РАН в ассигнованиях на гражданскую науку из федерального бюджета в 2007 г. составляла лишь 40%, а в 2008–2012 гг. снизилась в 2 раза до 20% (Доклад главного ученого секретаря Президиума РАН академика В.В.Костюка «О работе Президиума РАН и выполнении решений Общих собраний Российской академии наук в 2008–2012 гг.»- <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=548d7ff1-b546-4a27-99c3-40ada28d68c2#content>) и что индексы имеют изначально англо-саксонский «уклон» такие соотношения свидетельствуют в пользу эффективности РАН.

²⁰ См. серьезную критику этих индексов в работах как российских, так и иностранных экспертов: «Индекс цитирования – инструмент, а не цель» – <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=e0587895-686c-42af-9e4e-334071d0be06>; Каленов Н.Е., Селюцкая О.В. О российском индексе цитирования // Новые технологии в информационно-библиотечном обеспечении научных исследований: сборник научных трудов. – Екатеринбург, 2010. Дайджест по индексам цитирования: <http://www.fel.mirea.ru/files/DOCS/InCite.pdf>.

академий и академий наук союзных республик. Это приносило ощутимые плоды, при том, что эта координирующая роль РАН отнюдь не была связана с администрированием и управлением.

В четвертых, происходит недооценка потенциала и опыта «возрастных» ученых. Не говоря о мудром замечании Ф. Гегеля, что «сова Минервы вылетает в полночь», вспомним, что открытия Леонардо да Винчи, Г. Галилея, Д.И. Менделеева и многих других были сделаны отнюдь не в юношеском возрасте. Наша проблема не столько в старении Академии, сколько в выпадении среднего звена, оставившего науку в 90-е годы и ушедшего в бизнес и иные сферы деятельности или покинувшего страну в сознании своей не востребоваемости. Уйдут «старрики» и, боюсь, мы останемся без лидеров, генераторов идей. Академик В.Л. Гинзбург получил Нобелевскую премию, когда ему было уже 87 лет, а отмеченной работе было уже лет сорок. В Стокгольме на банкете он сформулировал теорему: «Каждый физик может получить Нобелевскую премию, если проживет достаточно долго». Замедленность признания точно отмечена академиком. Это грустно, но, увы, закономерно. Но гораздо опаснее замедленность востребованности научных достижений, отсутствие ключа и механизма передачи идей. Наука только тогда успешна, когда в ней трудятся совместно все категории ученых, передавая опыт и знания. Поддержка преимущественно молодежи, вне этой концепции «научного инкубатора» мало эффективна, равно как и упование на краткосрочные гранты и целевую точечную поддержку отдельных ученых. В силу своей «временности» грант не опирается на системную и долгосрочную научную проработку, и зачастую либо просто используется для презентации ранее полученных результатов, либо для развития сделанного на иной, более прочной основе, базисе фундаментальной науки. Подлинная наука невозможна без специализации, без долгой и трудозатратной систематики, накопления знаний и материалов. Это возможно только при существовании постоянных исследовательских коллективов. Научное творчество не может подчиняться исключительно прагматическим заказам. Оно должно иметь свободу творчества и свободу выбора, не стесняемую узкими рамками сиюминутности, и тем более не подчиненную контролю подчас не вполне компетентной бюрократии. Тогда из многих поисков, проб и ошибок родится открытие, обогащающее и страну, и науку.

Никто, в том числе и в новом руководстве Академии, не считает, что в ее деятельности, особенно хозяйственной, не было существенных изъянов. Аудит этой деятельности полезен и необходим. Но значит ли это, что на этом основании вся прежняя деятельность Академии должна быть поставлена под вопрос? Не подобен ли такой подход идее запрета Церкви на основании греха одного (или даже многих) священников?

Не отрицая важности совершенствования управления наукой и регулирования ее развития, вряд ли стоит считать реформу всегдашней панацеей успеха.

Уже не раз, и не два Российская Академия наук подвергалась реформам. Но никогда ни одна реформа не ставила под сомнение само ее существование, ее первенствующую роль в развитии науки, если не считать грубых выпадов Хрущева, грозившего (но не посмеявшегося) уничтожить Академию.

Давайте сначала чуть-чуть прикоснемся к истории²¹. Академия наук и художеств была учреждена именным указом Сената изданным по воле Петра I 28 января 1724 г. и делилась поначалу на три класса – математический, физический и гуманитарный²². Академия возникла и развивалась именно как академия государственная и члены академии имели чины по табели о рангах. Задачей академии было и приращение знаний, и решение важных для державы практических задач, и консультация в вопросах к делам науки относящимся.

Первая реформа императорской Санкт-Петербургской Академии наук и художеств (так она стала называться) произошла в 1747 г. Реформа привела к созданию ее первого регламента, утвержденного дочерью Петра императрицей Елизаветой²³. В Регламенте предусматривалось разделение членов академии на академиков и адъюнктов, со временем заступавших на должность академиков²⁴. С точки зрения М.В. Ломоносова этот регламент имел тот недостаток, что не обеспечивал независимости науки. Великий ученый предостерегал: «... не попустить больше властвовать над науками людям мало ученым, которые, однако, хотят, чтоб их за ученых почитали...»²⁵.

Вторая реформа 1803 г. оказалась самой удачной. Она была подготовлена специальным комитетом в составе нескольких академиков, знаменитого просветителя, образованнейшего человека, попечителя Московского университета и товарища министра народного просвещения сенатора графа М.Н. Муравьева и основателя Харьковского университета В.Н. Каразина. Новый Регламент Академии вводил коллегиальные выборы академиков. Этот ключевой принцип был одобрен Александром I и больше никогда в истории АН, даже в советские времена, не подвергался сомнению. Текущим управлением АН должен был весть ее Хозяйственный комитет, который академики формировали из своей среды. В-третьих, был утвержден постоянный штат действительных членов – академиков (жалование которых было фиксировано). Был учрежден институт «воспитанников АН» – полный аналог будущей академической аспирантуры, о налаживании которого заботился еще М.В. Ломоносов.

Реформа графа С.С. Уварова (бывшего одновременно министром просвещения и президентом Академии) расширила состав отделений и увели-

²¹ Выражаю благодарность за краткую справку доктору исторических наук профессору А.Ю. Андрееву.

²² Уставы Российской Академии наук 1724–2009. М., 2009. С. 7, 49–50.

²³ Уставы... С. 57–79.

²⁴ Уставы С. 60

²⁵ Ломоносов М.В. Записка о необходимости преобразования Академии наук. // он же. Избранные произведения. Т. 2. М., 1986. С. 349.

чила финансирование, ввела новый Устав 1836 г., слегка модифицировавший прежний. Он просуществовал до 1927 г. В нем было ясно обозначено: «Академия наук есть первенствующее ученое сословие в Российской империи»²⁶.

В XIX в. обозначилась интересная тенденция: не чиновники становились членами Академии, а, наоборот, многие академики пополняли ряды высшей бюрократии России. «В состав Государственного совета входили академики: филолог А.И. Соболевский, юрист Н.С. Таганцев, почетные академики юрист А.Ф. Кони, инженер Н.П. Петров, историк С.Д. Шереметев, член-корреспондент историк В.И. Герье и др. Выдающиеся ученые занимали важные посты и в последнем царском правительстве. Так, например, министром путей сообщения был прекрасный инженер Э.Б. Войновский-Кригер, министром народного просвещения – профессор Н.К. Кульчицкий, министром иностранных дел – крупный экономист Н.Н. Покровский и т.д.»²⁷.

Замышлявшаяся в 50–60е гг. XIX в. реформа Академии сопровождалась большими общественными дискуссиями, но не завершилась ничем: академики отказались публично обсуждать внесенные общественностью предложения, считая это своим внутренним делом, а Государственный совет затем отклонил новый проект Устава АН. Государство не стало вмешиваться в дела Академии, несмотря на намечавшийся разрыв академической и университетской науки. Такая позиция, тем не менее, укрепила как Академию, так и университеты, предоставив им необходимые гарантии развития. В эти годы (1889-1915) президентом Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (так она называлась по Уставу 1836 г.) был талантливый поэт (К.Р.) и театрал великий князь Константин Константинович, умело оберегавший Академию от участия в политических баталиях и удерживающий ее по мере сил в поле «чистой науки».

После февральской революции 1917 г. автономия Академии была расширена, в марте впервые были проведены выборы ранее назначавшегося Президента РАН. В годы Гражданской войны и голода в Петрограде потери Академии были катастрофичны. Не менее трети ее членов скончалось, многие эмигрировали. И все-таки руководящее ядро (Президент академик А.П. Карпинский, непреременный секретарь академик С.Ф. Ольденбург и др.) самоотверженно защищали Академию, доказывали ее ценность для пролетарского государства, защищали, как могли, от преследований членов РАН.

Реформа АН осуществлялась в 1925–1935 гг. В 1925 г. АН СССР была признана «высшим ученым учреждением страны». Несмотря на «чистки», насаждение унитарной марксистской идеологии, подозрительное отношение к «старым» кадрам, проведенная реформа привела к значительному

²⁶ Уставы С. 113.

²⁷ Батурин Ю. «Здесь наука под надежной защитой навечно» // <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=b7104f72-d0ff-4269-b06f-30fa6bf4acb2&print=1>.

увеличению численности академиков и к укреплению самостоятельности АН. Уставом 1935 г. была зафиксирована ключевая роль институтов для осуществления текущей научно-исследовательской деятельности АН. За институтами в этом Уставе была признана полная оперативная и хозяйственная самостоятельность. В 50–60е гг. XX в. реформирование шло по пути укрепления роли Отделений АН СССР. В Уставе 1963 г. (последнем советском уставе АН) содержалось положение о том, что каждое Отделение АН несет прямую *«ответственность за развитие фундаментальных исследований в соответствующей отрасли науки в стране»*²⁸.

Траектория реформирования Академии наук с 1747 до 1991 г. была такой, что при всех поворотах истории главной тенденцией было укрепление внутренней автономии и потенциала АН.

Однако почти всегда Академия находилась в поле критики. Репрессии 30-х годов сменялись временными послаблениями и улучшением положения Академии и академиков в 40е–50е гг., затем резким сокращением институтов в 1963 г. и хрущевскими истерическими призывами на июльском 1964 г. пленуме ЦК КПСС «разогнать академию к чертовой матери». Не получилось, и уже на октябрьском Пленуме ЦК 1964 г., отстранившем его от руководства, Хрущев был вынужден публично признать свою ошибку в «академической» политике. Позднее, с 1991 по 2013 гг., по данным социолога, академика РАН Г.В. Осипова было предпринято 7 «походов» на Академию наук, в основе которых лежал принцип передела ее собственности, перераспределения гос. финансирования и подчинения ее бюрократической вертикали²⁹. Восьмого (или уже девятого) похода Академия не выдержала.

Я привел эти страницы достаточно хорошо известной истории Академии только с одной целью – проследить общую тенденцию развития Академии. А таковой было расширение ее исследований и ее авторитета в мире, обеспечение стратегических интересов Родины, защита собственной автономии ради создания условий для оптимального проведения научной работы. Конечно, на этом пути были ошибки и упущения, но нельзя забывать, что Академия всегда выполняла свою консолидирующую роль в развитии фундаментальной (и не только) науки. Аналогов такой мощной научной системы, как РАН, не было в мире, ей и её положению завидовали конкуренты, и потому «оглядываться» на зарубежные «клубы» ученых нет смысла. Лучше оценить наши конкурентные преимущества и способы их рационально реализовывать.

Разрыв связей институтов РАН с отделениями РАН уже сейчас привел к ослаблению научных школ, компетентного руководства ими. Положения о «научной экспертизе» всего и вся Академией наук, лишенной рычагов управления, явно недостаточно, и оно не работает. Многоступенчатая си-

²⁸ Уставы... С. 210

²⁹ Осипов Г.В. Академия наук- три века служения Отечеству. М., 2013. С. 93–147.

стема назначения директоров научных институтов по сути – путь к сворачиванию академической автономии, порядка, когда коллективы голосовали за своего руководителя, а Отделения РАН осуществляли авторитетный фильтр выборов. Целесообразно передать Президиуму РАН не права согласования, а права утверждения руководителей, выбранных коллективами научных организаций и Отделениями РАН. Институты должны быть подведомственны РАН. Управлять наукой должны профессионалы-ученые, а не менеджеры, которых в насмешку уже сейчас наши студенты именуют «менеджерами».

Нобелевский лауреат академик Ж.И. Алферов был абсолютно прав в своем заявлении, что основная «проблема российской науки – это невостребованность наших научных результатов экономикой и обществом», а отнюдь не отсутствие структурных изменений и реформ³⁰.

Не будем забывать и еще одного важнейшего обстоятельства. В нашей стране Академия – не только один из источников инноваций, но и оплот стабильности и здорового консерватизма в обществе, скрепа государственности, неподверженные сквознякам политической жизни. И это надо беречь как зеницу ока!

Историческое образование

Долгие годы развитие науки в вузах медленно, но упорно шло по пути дифференциации знания. Шел рост числа кафедр и специализаций, что имело несомненный положительный эффект. Однако всё имеет свои физические и логические пределы. Сейчас всё больше и больше мы обращаемся к междисциплинарности, к новым технологиям. Само численное увеличение институтов, секторов, исследовательских групп не является показателем научного прогресса, как не является таким показателем и взятая сама по себе междисциплинарность. Это, последнее, все более очевидно, когда оно становится самоцелью, критерием определения научной значимости. Не умаляя его значения в поиске на стыке наук, нельзя не обратить внимания на то, что мы нередко сталкиваемся с имитацией (ради грантовой или иной поддержки, просто из-за «престижности»), приходя к «тупикам» междисциплинарности, к игре словами, дефинициями и терминами. Основным критерием значимости является формирование и функционирование научных школ, их продуктивность, востребованность, признанность в России и в мире.

Наступившая в середине 80-х гг. прошлого века перестройка, а затем и коренная ломка социально-политической и экономической структуры государства привели к глубоким переменам в науке и образовании. Несомненно плодотворным было освобождение от императивов идеологических доминант, снятие множества табу и ликвидация запретных тем, заполнение мно-

³⁰ Алферов Ж.И. Открытое письмо Президенту Российской Федерации В.В. Путину // <http://ras.ru/news/shownews.aspx?id=576f8af4-b554-442e-b93e-a817ae797aec#content>

гих «белых пятен», открытие для науки архивных документов и, наоборот, ликвидация спецхранов. Появлялась (но далеко не всегда использовалась) возможность для научной дискуссии, для многофакторной оценки общественных явлений и процессов. К сожалению, дискуссии в стране подчас выходили за пределы академизма, и политические пристрастия подменяли научную аргументацию. В те годы существенно ухудшилось материальное положение исторических институтов и факультетов, самих ученых. Начался отток талантливой и просто инициативной молодежи из науки за рубеж, в бизнес и предпринимательство. Рухнула система комплектования библиотек новейшей научной литературой. Распространялась обстановка неуверенности и потери ориентиров, методологической неопределенности. В это трудное время помощью, опорой и поддержкой ученых стали увлеченность, приверженность фундаментальности образования, отстаивание ее приоритетов, сохранение научных коллективов с опорой на знающую и стремящуюся к постижению наук молодежь. Таких людей всегда меньшинство. Но именно ориентация на творческое меньшинство и на научные традиции и спасает науку.

Обстановка начала заметно улучшаться с конца 90-х гг. XX в., когда стали обновляться прежние научные школы и возникать новые, возросла грантовая поддержка исследований³¹, расширились издательские возможности, окрепли внебюджетные фонды, позволявшие совершенствовать учебно-техническую и материальную базу, лучше стимулировать труд преподавателей. Начали создаваться новые специальные программы обучения (как, например, историческое краеведение или изучение постсоветского пространства). Недостатки доступа к современной зарубежной научной литературе отчасти восполнялись развитием интернета, его ресурсами, отчасти – интенсификацией зарубежных командировок и стажировок. Именно в эти годы стали создаваться банки данных исторической информации, интернет-порталы открывались для студентов всей страны, для всех любящих историю людей. Правда, одновременно с академическими ресурсами с еще большим рвением создавались и псевдонаучные «авторские» сайты, плодились чаты, наполненные околонучным и псевдонаучным контентом. Это обычная реакция общества на лакуны в историческом знании. Но эти лакуны должны заполнять и делать информацию доступной мы, профессионалы, ведя настойчивую работу по верификации и популяризации истории.

Нельзя не отметить, что не остановлен опасный процесс размывания фундаментального знания, замены его прикладными дисциплинами. Наглядный пример представляет внедрение, за счет истории и философии, россиеведения, культурологии и иных «наук о человеке». Дериваты живут

³¹ Нельзя не отметить большой роли в поддержке научных проектов и изданий, которую сыграли и продолжают играть фонды РГНФ и РФФИ. Без них многие фундаментальные труды просто бы не увидели свет, а научные экспедиции не состоялись бы.

только соками фундаментальности. Их мнимая и легкая востребованность, конъюнктурная полезность, не должны мешать осознанию того, что без внешне далеких от насущных дел фундаментальных областей знания невозможен ни научный, ни духовный прогресс общества. Историческая неграмотность, и вместе с тем апломб всезнайства современного общества вселяют тревогу. Это проявляется в повседневной жизни, в господствующих у школьников (да и не только у них) представлениях. Подростки зачастую не могут ответить на вопросы, когда была Великая Отечественная война, кто был в ней нашими врагами и кто – союзниками, кто основал Москву или построил соборы Кремля и т.п. Среди более старшего поколения нередко встречаются поучающие историков суждения о единственной доступной им правде, почерпнутой часто не из достоверных источников и произвольно интерпретируемой. Достаточно впечатляющи картины телевизионных передач, вроде «Кто хочет стать миллионером» с ведущими «звездами» кино, эстрады, бизнеса, теряющимися при вопросах, предполагающих элементарные исторические представления.

Несистемность изучения истории, сокращение часов на ее преподавание в пользу других непрерывно возникающих дисциплин ведет и к историческому нигилизму, и просто к невежеству. Раньше его легко было обнаружить на вступительных устных экзаменах в вузы, теперь оно скрыто под покровом ЕГЭ, не проверяющего системность знания и тем более умение анализировать и сопоставлять информацию, нацеленного на автоматизм воспроизведения набора дистиллированных истин. Фантастические представления об отечественной и всемирной истории культивируются «школой» А.Т. Фоменко и ей подобными «первооткрывателями» и «разоблачителями». В обществе отсутствует понимание того, что происходит эрозия исторической памяти, карикатурируется и осмеивается прошлое, недооценивается то, чем это грозит в будущем. Упадок исторической грамотности в нашей стране (а точнее большая неравномерность и случайность исторических представлений) очевидны. И одной из причин этого является недостаток добротной популярной научной литературы, привлекательной для читателя.

Важнейшей компонентой исторического образования как раньше, так и ныне, остается комплекс филологических дисциплин – изучение как древних, так и новых языков. Без их хорошего знания современная наука невозможна. Затрачиваемые на изучение языков в школе и в вузе часы непропорциональны во многих случаях полученным результатам. Но не меньшую озабоченность вызывает знание студентами (да и не только ими) русского языка, недостаточное владение правильной речью, зачастую беспомощность или логическая несвязанность выступлений при защите курсовых и дипломных работ, подчас и диссертаций. Важно возродить теоретические и практические курсы мастерства устной речи и повысить роль сочинения как оптимального инструмента оценки начитанности, общекультурной подготовки абитуриентов.

Среди инструментария историка языки всегда занимали важное место. Недаром долгие годы такие факультеты были историко-филологическими. Современная коммуникативная среда со всей настоятельностью предполагает владение иностранными языками, и потому что без них нельзя понять «образ другого», и хотя бы потому, что английский язык уже давно занял место эсперанто, став по сути, языком международного общения. Впрочем, это не британский или американский, а некий унифицированный, стерилизованный язык, вобравший в себя немало слов и выражений из других языков. Нечто подобное было и со средневековой латынью, языком международного научного, университетского, политического, да и в целом межкультурного общения на огромном хронологическом отрезке и на пространствах от Атлантики до Балтики, по меньшей мере с IV до XVII века. Изучение этого времени историками невозможно без знания латыни, латыни особой, и похожей, и непохожей на классические образцы своего золотого века. Не буду повторять банальности о роли латыни как истока современных романских языков (на которых говорит сейчас добрая треть человечества), подчеркну ее общекультурное значение, как некоего драгоценного ларца достижений человеческой цивилизации. И не случайно профессор и преподаватели латыни и в императорской России, и в России советской, и ныне являются культуртрегерами (простите за заимствованную лексику, но не подберу более точного определения). Всегда с благодарностью вспоминаю своих учителей древних языков – Андрея Чеславовича Козаржевского, Сергея Сергеевича Аверинцева и его супругу Наталью Петровну. Все, кто знали Андрея Чеславовича, помнят его изумительные лекции о культуре речи, его экскурсии по Москве и иным городам и весям. Это не только прививало любовь к истории, но и заставляло слушателей припадать устами к чистым родникам подлинной культуры. А комментарию Сергеем Сергеевичем древнегреческих и византийских классиков, разве они сами не явление мировой культуры? Кстати о греческом. Хотя византийцы были большими пуристами и блюли аттическую красоту литературного языка, они, признавая духовное превосходство эллинской речи над всякой другой, не стремились в своей духовной миссии утвердить свой монолог на христианизированных территориях, где и литургия, и вообще словесность развивались на собственных, славянском и других языках. Но переводы греческих текстов стали первым краеугольным камнем православной цивилизации Восточной Европы, как и все кирилло-мефодиевское наследие. Это я пишу не для того, чтобы еще – в который раз – составить энкомий красоте и совершенству древних языков. В этом из-за самоочевидности нет нужды. Равно как и нет нужды говорить о необходимости древних языков для античников и медиевистов. Я отвечаю на простой вопрос: почему в стенах Исторического факультета МГУ многие годы на первом курсе изучение латыни является обязательным, и почему столь важное место во всей системе преподавания имеет кафедра древних языков? За-

метьте, это происходит при неуклонном разветвлении самой исторической науки, при появлении все новых обязательных или предписываемых для изучения дисциплин. Ответ прост: это не только знание, но и живая, непосредственная связь с мировой культурой, ее истоками, сейчас нередко бездумно замутненными процессами глобализации. И пусть не стенают наши первокурсники, заучивая латинские глаголы или речения древних авторов, думая, что это обременительная самоцель их академической аттестации. Нет, прежде всего – это путеводная ниточка к познанию культуры, новый опыт иного подхода, иного метода познания. Это прикосновение к неким основам лингвистики, к тем возможностям источниковедения, о которых они ранее не ведали. И еще об одном. Мы утверждаем, что готовим аналитиков. Без логики нет аналитики. Но нет никакого средства, лучше вырабатывающего логическое мышление, чем математика и древние языки. Они организуют мысль, заставляют решать уравнения, доказывать теоремы, потому что расшифровка древнего текста кардинально отличается от подхода к современным языкам. Она подобна решению математической задачи. А все это развивает ум. Потому и надо историкам учить древние языки.

Проблемы образования

В подготовке кадров историков важнейшее место занимает общегуманитарная подготовка и образованность студентов. Практика последних лет показывает, что наряду с широким внедрением интернета в образование, в быденную жизнь и даже в систему общения молодежи, наблюдается очевидный упадок грамотности и начитанности. Этому способствуют и сами ресурсы интернета, изобилующие грубейшими орфографическими и синтаксическими ошибками, и плачевное состояние изучения русского языка и литературы в средней школе, что было усугублено отменой сочинения в качестве вступительного испытания в вузы, и заменой его малоэффективным и формальным ЕГЭ по русскому языку. Это уже породило у абитуриентов и студентов пренебрежительное отношение к классике, к культуре слова. Опасным явлением стало и проникновение компьютерного сленга в быденную речь, в доклады, рефераты, курсовые и дипломные сочинения.

Проблемой остается сам подбор произведений русской классики, рекомендуемой для чтения в средней школе, и вообще составление своего рода «золотого канона русской литературы». Преподавание русской литературы в школе плохо синхронизировано с параллельно преподаваемыми курсами истории. Например, литературу XIX века школьник начинает проходить до того, как изучает историю этого же периода. В результате он многого не понимает, а неминуемая разница в слововыражении тем паче отвращает его от чтения этой литературы. Еще одной важной причиной этого «отвращения» является то, что в подборке произведений русской литературы в школе доминирует так называемый «депрессивный» компонент, тогда как в лите-

ратуре иностранной присутствует приключенческий, жизнеутверждающий жанр. Ну право же, будучи подростком, что вы предпочтете: Марка Твена, Л. Буссенара и Майн Рида или рассказы В.М. Гаршина, Л.А. Андреева, А.П. Платонова о мертвецкой с посиневшим трупом ребенка, об увядающей пальме или о дохлой корове? Уж лучше тогда Ванька Жуков, которого, кстати, из программы исключили... У школьника складывается представление об имманентно присущей безысходной тоске русского человека-неудачника в сопоставлении с красочным закордонным миром и его обитателями – инициативными и яркими героями, формировавшими, подобно Джеку Лондону, свою личность.

Отношение к языку для историка первостепенно. Философ В.В. Библихин мудро подметил, что «наш мир никогда не бывает лучше нашей речи». Язык – важнейший ключ к пониманию истории, он передает дух народа, тогда как литература отражает социальный опыт, является мерилom культурных достижений нации в целом.

Говоря о переходе на новую, так называемую болонскую систему обучения, надо осознавать, что и в ряде стран Запада (Италии, Франции, ФРГ, например) реформа привела к упрощению, усреднению и снижению уровня образования, к ликвидации и сокращению важных курсов, особенно на ранней, бакалаврской, ступени. Кроме того, в области написания, да и преподавания истории в значительной мере ориентация делается не на системность, а на поиск необычного, на развитие инициативы, самостоятельности и достижение оригинальности и занимательности любой ценой, даже ценой спрямления и упрощения, отказа от прежних укорененных традиций. Это – залог читаемости и популярности, а, в немалой степени – и результат диктатуры рынка и массового сознания. В этой системе есть положительное – оно в раскрытии индивидуальности личности, ее творческих возможностей. Но жертвой становится выучка, широта исторического кругозора. Разумеется, вся наука там к этому не сводится. Однако серьезные конкретные и зондажные работы, как говорилось, востребованы преимущественно в узком кругу специалистов. Достоянием же массового сознания, даже корпоративного, в исторических кругах ВСЕХ историков, становятся «броские» и парадоксальные построения, не похожие на то, что было ранее.

Равным образом, и следование мнимой политкорректности, боязнь называть явления и людей сущностными, а не сглаженными характеристиками затеняет само изучение истории, и порождает боязнь прямо и четко изложить свою позицию, не оглядываясь на то, что будет говорить Марья Алексеевна, не желающая задеть каким-либо намеком Петра Петровича. Чем может быть оправдана замена на Западе простых слов отец и мать категориями родитель один и родитель два? Оправданием однополых браков? Или замена титула зав. кафедрой – chairman безличным словом chairperson, дабы не дай Бог, не затронуть гендерной принадлежности. И вряд ли нам следует придерживаться подобной тенденции и следовать этим новым клише полит-

корректности, вводя новые модные термины, называя, к примеру, уборщицу менеджером по клинингу или полномочного представителя омбудсменом.

Простые вопросы: для чего нужна, и что скрывает политкорректность? Ответ на них, мне кажется, очевиден: нужна для обоснования идеологем, нужных господствующим элитам в политических целях, а скрывает она, как не прискорбно, смысл и сущность явлений. И мне кажется, потому она чужда целям и задачам неангажированного исторического исследования.

Ориентирами в историческом образовании являются не наукообразная замысловатая терминология, вычурная многозначность определений, увлечение презентациями и саморепрезентациями, а профессионализм, объективный неконъюнктурный анализ событий и фактов, на основе общегуманитарной культуры и междисциплинарности.

Учебники

В истории российского образования рубеж тысячелетий отмечен ростом количества высших учебных заведений, их различных филиалов, появлением частных вузов, преподающих и изучающих историю. Освобождение от идеологического контроля, плюрализм мнений, более широкий доступ к информации, – все это привело к известной диверсификации учебных программ, методов анализа и подходов к освещению событий и целых исторических эпох. Наряду с положительными тенденциями, появлением в истории новых сюжетов и проблем, расширением поля обзора, особенно в сфере истории культуры и политических учений, большей обращенностью к потребностям формирующегося рынка образовательных услуг, обнаружили и очевидные изъяны: появление суррогатов, скороспелых и неглубоких, а подчас и компилятивных учебных материалов. В меньшей степени это затронуло всеобщую историю, нежели отечественную, но и там есть подобные факты.

Остановимся на проблеме вузовских учебников, их качества, соответствия мировому уровню науки и потребностям подготовки высококвалифицированных специалистов в нашей стране, имеющей давние и глубокие традиции в издании добротных учебников.

Нередко можно слышать суждение о том, что в университетском образовании учебник вообще не нужен, что он изжил себя и должен быть заменен монографиями, лекциями и семинарами, самостоятельной работой студентов с источниками. Не умаляя значение всего перечисленного, надо все же отметить, что там преследуются разные цели: задача лектора предложить проблемное освещение ряда важных тем курса, руководителя просеминариев – научить студента самостоятельной, аналитической работе с материалом, а учебник незаменим в систематике – изложении учебного норматива, фактического материала, который невозможно четко и ясно представить в полном объеме в рамках любого лекционного курса. Преимуществом отечественного образования всегда являлась именно эта системность, стрем-

ление к полноте представлений об эпохе, а не концентрация на отдельно взятых, пусть даже детально разрабатываемых темах. Важно, чтобы студент знал, к примеру, основные линии развития древнего мира в целом, а не только Афин при Перикле или Римской империи при Августе или Константине Великом. Задачи аналитики, исследовательского подхода студентов к материалу отнюдь не отменяют «выучки», обретения точного и конкретного знания. Его не заменить обращением к энциклопедиям и словарям. Оно должно быть интеллектуальным багажом специалиста, востребованным в любой момент его деятельности. Естественно, отбор норматива – дело непростое и опирающееся на образовательный стандарт, необходимый для обеспечения квалификации, общих подходов к изучению истории. Университетский учебник, с моей точки зрения, должен существовать и оцениваться в цельной триаде вместе с лекционными курсами и семинарами, освоением источников и научной литературы. Это отнюдь не означает, что учебник содержит один лишь норматив и исключает авторскую позицию и индивидуальный подход составителей. Концептуальное разнообразие учебников – нормальное и естественное явление. При том условии, что они соответствуют коллегиально обсужденным и утвержденным ученым сообществом программам.

Нередко встречаются суждения, что главная цель учебника – научить студента думать. В конечном счете, учат студента думать жизнь, творчество и весь учебный процесс, в том числе, материал и рассуждения авторов учебника. Но задача учебника не в том, чтобы побудить студента разгадывать шарады или проводить конструируемые аналогии, а в том, чтобы приобрести профессиональную культуру, создать своего рода экологию образования, основанную на точном и хорошо понятом знании. Для тренировки же «чистого разума» больше подходят трактаты и теоретические исследования, к которым и помимо учебников, обращается студент, базы данных, которые он создает, источники, которые он анализирует.

Учебник отражает одновременно и состояние науки, и социально-политическую ситуацию в стране и в мире. В нем, так или иначе, прямо или опосредованно содержится поиск ответов на вызовы современности, даются объяснения сути процессов, иногда очень большой длительности и сложности. Стремясь объяснить ход истории, чтобы избежать ложных интерпретаций, важно избегать модернизации, надуманных и внешних параллелей и аналогий.

При разработке концепции университетских учебников XXI века важно разработать основополагающие принципы их создания. Не претендуя на полноту, остановлюсь на некоторых, на мой взгляд, существенных.

Университетские учебники должны обеспечивать все основные курсы и содержать нормативный материал, включенный в стандарты и программы образования, в экзаменационные требования. Важно в рамках каждой дисциплины отобрать наиболее существенное, достигнуть консенсуса с коллегами о том, каковы важнейшие проблемы курса. И особенно суще-

ственно обеспечить надежность, достоверность сообщаемой информации. В минимальном наборе это задано и государственным стандартом. Дабы не превращать учебник в скучное перечисление имен, фактов, концепций, желательны яркие характеристики и описания людей и событий. Это нелегко сделать, учитывая объем книги.

Существенно, чтобы учебники сохранили фундаментальность. Под этим мы понимаем следование классическим основам науки и высшего образования, сохранение традиции и лица научной школы, основательность, объективность и сбалансированность. Современная ситуация создала благоприятные условия для достижения этого. Нет цензуры, открылись многие архивы, расширилось информационное поле, раскрепощеннее стал сам индивид. Но одновременно возросла и ответственность историка за объективность и достоверность интерпретации. Факты не могут рассматриваться изолированно, вне времени, пространства, конкретных условий. Недопустимо использование приемов низкопробной журналистики, вырывающей один (чаще скандальный) факт из контекста и делающей на его основании далеко идущие умозаключения.

Интерес к человеку стал фактором современной историографии. Но это вовсе не означает отказа от истории социальной и экономической, от истории теорий и процессов. Большого внимания в учебниках заслуживает история повседневности, быт и нравы эпох.

Воспитательные функции учебника заключаются в следовании принципам историзма, гражданственности и гуманизма. Являясь фактором национальной историографии, учебник выражает принятые в ней подходы и оценки, объективно оценивая достижения и недостатки зарубежной науки, не калькируя ее методику и оценки. Он может и должен быть патриотичным, что вовсе не означает замалчивания ошибок и негативных сторон применительно к истории нашей страны и ее отношениям с окружающим миром, а наоборот предполагает ясную и точную характеристику причин и следствий событий, исторических провалов и бед. Но в нем не надо замалчивать и достижения, в том числе – и нашей науки. Не менее существенно преодоление стереотипов и субъективизма. Клишированные формулировки обедняют текст, но они особенно вредны тогда, когда социологические определения, пришедшие из анализа современности, переносятся на отдаленные эпохи. Модернизация опасна для учебников, где желательно оперировать принятыми, но адекватными эпохе понятиями. Амбивалентность характеристик, допустимая в научной литературе, вряд ли подходит для учебника.

Научный арсенал значительно обновляется каждые 5–10 лет. Учебники должны отражать и учитывать это. Поэтому постоянный, стабильный, не обновляемый долгое время учебник сейчас вообще вряд ли возможен. Например, создавая учебник по истории средних веков, мы используем метод периодического обновления глав, привлечения новых авторов по мере необходимости, то есть, внедряем идею развивающегося учебника, с периодиче-

ски сменными файлами. Это позволяет своевременно учитывать новые достижения и концепции, сохраняя традиции школы и, вместе с тем, лучше и оперативнее взаимодействовать с издательствами, ускоряя ритм производственного процесса. В базовых учебниках по общим курсам в такой ситуации существенно включать в учебники историографические разделы. Однако каждый раз возникает конкретный вопрос, в какой мере это делать, чтобы не перегружать книгу? Здесь нельзя забывать о существовании отдельных историографических курсов, учитывающих специализацию студентов. Достижения смежных наук сейчас быстро и уверенно проникают в историю. Их также нельзя не учитывать в учебниках. Приведу лишь пример новых познавательных и интерпретационных возможностей факторного анализа и синергетики.

Учитывая значительное различие в комплектовании библиотек, в подборе и квалификации кадров преподавателей в разных вузах России, желателен переход на практике от публикации отдельных учебников по базовым курсам к печатанию комплектов учебных материалов, куда входили бы, помимо учебника, антологии источников и изданные лучшие лекционные курсы³². Антологии имеют то преимущество перед хрестоматиями, что содержат максимально полные публикации источников, а не их дистиллированную выборку, и тем самым создают гораздо большие возможности для выработки навыков самостоятельной работы студентов с текстами. Затем, по мере развития специализации, к этому добавлялись бы учебные пособия по источниковедению, историографии, исторической географии и другим специальным дисциплинам.

В учебнике истории для неисторических факультетов особенно важно показывать источники нашего знания, уделять особое внимание достоверности информации. И вновь источниковая основа выходит на первый план, хотя бы для того, чтобы образованный непрофессионал умел отделить зерна от плевел.

Поскольку при подготовке учебников по новейшей истории большое место занимают разделы проблемно-теоретического характера и на этой основе анализируется конкретно-историческое развитие отдельных регионов, желательным и важным дополнением к таким учебникам являются страноведческие курсы³³.

Современный учебник, как правило, создается большим или меньшим авторским коллективом, в то время как в XIX-первой половине XX в. его чаще всего писал один маститый ученый (например, Н.И. Кареев, Р.Ю. Виппер, В.Ф. Семенов, В.И. Авдиев и др). Достоинства учебника одного авто-

³² Эта практика, весьма распространенная в дореволюционной России, сейчас, к сожалению, весьма ограничена. См., напр.: Язьков Е.Ф. История стран Европы и Америки в новейшее время. 1918–1945. Курс лекций. Изд. 1-е. М., 1998; изд. 2-е. М., 2000.

³³ См., напр.: Строганов А.И. Латинская Америка в XX веке. М., 2002

ра очевидны: это единство концепции, четкие критерии отбора материала, адаптация к конкретной задаче и конкретному курсу. Однако сейчас подобный подход вряд ли реализуем, во всяком случае, не как исключение, а как общее правило. Диверсификация науки, разнообразие тем и сюжетов, задачи корректного анализа сложных и очень разных проблем приводят к тому, что хорошие учебники создаются в основном научными школами, коллективами авторов.

Разумеется, пристальное внимание необходимо обращать на стиль учебника, языковую культуру, ясность и доступность изложения. Чтобы избежать перегрузки, отделить главное от второстепенного желательно использовать современные графические возможности: разные шрифты, петит, «фонарики» и т.д. Рубрикацию, пояснение терминов, дополнительную информацию, и даже схемы полезно выносить на поля. Так поступают при издании учебников, например, французские издатели³⁴, да и далеко не только они одни. Вопрос оформления учебника не второстепенен. Удачное оформление способствуют лучшему усвоению материала, запоминанию событий и фактов, исторических персонажей. Кстати, генеалогические стеммы нередко помогают поведать о династии, ее линиях нагляднее, чем более длинный рассказ об этом. При публикации учебников важно не допускать опечаток. Каждая из них вводит читателя в заблуждение, отражается в памяти студента, рассеивает его внимание и существенно снижает усвоение материала.

Хороший учебник должен содержать справочный материал, опираться на достоверную базу источников, ссылки на которые необходимы, библиографические указатели, индексы имен. Карты и иллюстративный ряд тоже желательны в учебнике, но лишь при удачной привязке к тексту, умении заставить образ говорить языком фактов. Разумеется, учебник не может и не должен заменять хороших историко-географических атласов, без которых не обойтись.

Проблема объема учебников также немаловажна. Мы встречаем очень разные по объему учебники по одному и тому же предмету. Вероятно, стоит уделять больше внимания психологии овладения материалом. Практика показывает, что существует некий порог усвоения, который колеблется в зависимости от объема, сложности материала и живости его изложения. Однако редко этот порог превышает 35–40 авторских листов. Увеличивать далее размеры учебников невозможно. Поэтому первостепенное значение приобретает продуманность структуры, достижение разумного баланса проблемных обобщений и конкретных фактов, распределение материала по регионам и странам. Существенно выявление ведущих, определяющих тенденций развития, как бы мы их ни оценивали.

³⁴ См., напр.: Balard M., Genet J-P., Rouche M. Le Moyen Age en Occident. Des Barbares à la Renaissance. Paris : Hachette, 1990 ; Ducellier A., Kaplan M., Martin B., Micheau F. Le Moyen Age en Orient. Byzance et l'Islam. Des Barbares aux Ottomans. Paris : Hachette, 1990 [Histoire Université / sous la direction de M.Balard].

Один из сложных дискуссионных вопросов – создание электронного учебника по истории и, шире, связь учебника с Интернет-ресурсами и новыми технологиями в преподавании. Обращу лишь внимание на юридические аспекты проблемы, связанные с авторским правом, на распространенность плагиата и на возможное отсутствие при свободном создании таких ресурсов профессиональной экспертизы и сертификации качества. Не говоря уже о том, что читать и усваивать учебник все же легче в удобном полиграфическом формате. Да и печатное массовое издание пока оказывается дешевле и доступнее студенту. Другое дело, что учебные базы данных, вспомогательные материалы к курсам не только важны, но теперь и незаменимы в подготовке профессионального историка XXI века.

И, наконец, возможно, мы подошли к последнему вопросу. Бурная поначалу радость от отмены цензурных ограничений сменяется озабоченностью от неконтролируемого выхода в свет квазинаучной и низкопробной учебной продукции и ее использования в учебном процессе. Поэтому возрастает роль выдаваемого от лица всего нашего научного сообщества сертификата качества, необходимость научных экспертиз учебников, профессиональной, не идеологической цензуры. Помимо всего прочего, это защита единства образовательного пространства нашей страны и прав потребителей. Такая роль должна принадлежать научному сообществу, а не бюрократическим структурам. Ранее с успехом эту роль осуществляло Учебно-методическое объединение (УМО) создаваемое при Министерстве науки и образования на базе ведущих центров науки и образования. Произошедшее расчленение УМО на сегменты, базирующиеся в разных организациях, наносит ущерб образовательному процессу, отделяя, к примеру, бакалаврский и магистерский уровни образования, курируемые разными структурами.

Признавая все трудности и проблемы, отмечая глобальную опасность вызовов и неадекватных ответов на них, я пишу эти строки, как для читающих их ныне, так и для тех, кто будет, кто придет нам на смену. Для того, чтобы они не думали, что мы бессильно созерцали, не отдавая себе отчет в происходящем, не пытаясь помочь тем, кто нуждается в этой помощи. Не ради хлеба насущного, но ради сохранения и развития самой науки, ее устоев и принципов³⁵.

³⁵ Для написания данной работы частично использовались мои предшествующие публикации: Размышления о понимании истории // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2018. №1. С. 3–17; Некоторые размышления о состоянии исторической науки и образования // В едином историческом пространстве. Сб. научн. статей к 60-летию члена-корр. РАН Е.И. Пивовара. М., 2009. С. 64–75; Историческая наука и верификация знания // Свободная мысль. 2014. №6 (1648). С. 173–177 и др. Сердечно благодарю моих коллег: чл.-корр. РАН Л.И. Бородкина, чл.-корр. РАН Е.И. Пивовара, чл.-корр. РАН Л.П. Репину, доц. А.А. Талызину, любезно обсудивших эту работу и сделавших конструктивные замечания.

С.П. Карпов

**Размышления о понимании
истории и проблемах
исторического образования**

Подписано в печать 08.11.2019

Формат 60x84 1/8

Гарнитура Times

Усл.-п. л. 5,58. Уч.-изд. л. 3,1

Тираж 50 экз.

Издатель – Российская академия наук

Верстка и печать – УНИД РАН

Отпечатано в экспериментальной цифровой типографии РАН

Издается по решению Научно-издательского совета

Российской академии наук (НИСО РАН)

и распространяется бесплатно